

ДЖЕЙМС КОРИ **ГРЕХИ ОТЦОВ НАШИХ**

НОВИНКА

**БОГИ РИСКА
МАСЛОБОЙКА
ПАЛАЧ СТАНЦИИ АНДЕРСОН
ДВИГАТЕЛЬ
ЧУЖИЕ СОБАКИ
ОБЕРОН
ПРОПАСТЬ ВЫЖИВАНИЯ**

JAMES S. A. COREY
THE SINS OF OUR FATHERS

Джеймс С. А. Кори
Грехи отцов наших
и другие рассказы
Серия «Пространство», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67714715
Издательский Дом "СОЮЗ"; 2022
ISBN 978-5-6046712-9-0

Аннотация

Когда мы видим что-то необыкновенное, то говорим, что это фантастика! Рассказы Джеймса Кори, вошедшие в сборник «Грехи отцов наших» фантастичны вдвойне. Во-первых, они являются частью знаменитой научно-фантастической серии «Пространство» (The Expanse), первая книга которой – «Пробуждение Левиафана» была номинирована на премию «Хьюго» за лучший роман. А во-вторых, они объединяют в себе классическую научную фантастику, сатиру и фэнтези поражая богатым разнообразием тем и образным языком, всем тем, что так ценят в произведениях Кори, поклонники его творчества.

В сборник вошли рассказы:

- Боги риска
- Маслобойка
- Палач станции Андерсон

- Двигатель
- Чужие собаки
- Оберон
- Пропасть выживания
- Грехи отцов наших

Содержание

Боги риска	5
Маслобойка	87
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Джеймс Кори

Грехи отцов наших и другие рассказы

Боги риска

– Какого рода проблемы? – спросил Хатч. У него, уроженца поселения близ долины Маринера, почему-то не было вольного тягучего выговора этих краев Марса. Голос Хатча шуршал, как плохо настроенная рация.

– Да не такие уж, – поспешно вступилась за него Лили. – Правда же, Дэвид, ничего такого? Даже и не проблемы, в общем то. Просто неудобство.

– Неудобство, – эхом повторил Дэвид.

Повисла неуютная пауза. Дэвид теребил пальцы, вытягивал по одному, пока не хрустнут суставы, потом переходил к следующему. Он был на полголовы выше Хатча, но не мог поднять взгляд выше груди худощавого мужчины. Дэвиду через два месяца должно было исполниться шестнадцать, а чувствовал он себя не старше шести. Хатч всегда устраивал встречи в маленьких комнатах, подальше от главных тоннелей и коридоров. Вот эта с первого поколения поселенцев служила чуланом. Стены из гладкого марсианского камня

когда-то покрыли изолирующей керамикой, сейчас она уже вспузырилась и посерела от времени. Освещением служил фонарь, как на стройке, – пылающую белизну светодиодной лампочки смягчал и румянил наброшенный на него шелковый, раскрашенный под кашемир платок Лили. Сидели на остывших в холодном воздухе металлических ящиках. Хатч почесал шрам на запястье.

– Не держи в себе, Крошка, – сказал Хатч. Это была их старая шутка – семья Дэвида до Марса была полинезийской, и генетика в сочетании с третьей земной гравитации подарили ему два метра роста и некоторую пухлость. – Выкладывай. Что, пропала партия?

– Нет, что ты. С партией все нормально. Просто к нам приехала пожить моя тетя Бобби. Она теперь все время там. Все время. Приду домой – а там она.

Хатч нахмурился, склонил голову набок. Лили обняла его, прижалась потеснее. Хатч повел плечом, но отстранять ее не стал.

– Она знает, что ты стряпаешь?

– Ничего она не знает, – ответил Дэвид. – Просто целыми днями тягает гантели и смотрит видео.

– Тягает гантели? – переспросил Хатч.

Тень улыбки в его голосе сразу помогла Дэвиду расслабиться. Он решился заглянуть в глаза цвета крепкого чая.

– Она служила в десанте.

– Служила?

– Там что-то такое случилось. Вроде как она ушла в отставку.

– Значит, уже не десантница. А теперь что она такое?

– Просто охрененная неприятность, – сказал Дэвид, не без удовольствия позволяя себе грязное словечко. В доме Драперов допускались, самое большое, «черт» и «проклятый». За «охрененную» ему бы устроили жуткий скандал. А о других выражениях он и подумать не смел. – С этой партией все нормально. Но со следующей будет труднее. Мне теперь дома готовить невозможно.

Хатч, откинувшись назад, наполнил комнатушку смехом. Лили расслабилась, и морщинки беспокойства на ее гладкой, как яичная скорлупа, коже пропали.

– Ну, ты даешь, – выговорил Хатч. – Я уж думал, правда проблемы. Думал, придется сказать людям, что лишился лучшего повара.

Дэвид подобрал свой рюкзак, порылся в нем, вытащил побрякивающий пластиковый флакон. Хатч, содрав крышку, высыпал себе на ладонь четыре или пять розовых таблеточек и одну передал Лили. Та забросила таблетку в рот, как карамельку. 2,5-диметокси-4-N-пропилтиофениламин представлял собой антагонист серотониновых рецепторов, разлагавшийся в числе прочего на окислитель моноамина, 2,5-десметокисин. Ингибитор. В ближайшие полчаса эйфория будет разгибать суставы Лили и поднимать ей настроение. Галлюцинации придут только через час, а может, и полтора, зато

их хватит на всю ночь. Она постучала таблеткой по зубам, погоняла ее языком, ухмыльнулась Дэвиду. Тот, почувствовав приближение эрекции, отвел взгляд.

– Ты хорошо поработал, Крошка, – сказал Хатч, доставая ручной терминал. Тихий гудок сообщил о переводе. На секретный счет Дэвида поступило еще немного денег – хотя он этим не ради денег занимался. – А теперь насчет тетушки. Как она повлияет на твоё расписание?

– Ну, учебной лабораторией я по-прежнему могу пользоваться, – объяснил Дэвид. – Могу записаться на больше часов. Старшим первая очередь, так что слишком сложно не будет. Просто...

– Э, нет, – перебил Хатч, – лучше не рисковать. Говори-ка, сколько тебе потребуется времени на следующую партию; в смысле как уложишься?

– Думаю, самое малое – две недели, – сказал Дэвид.

– Они твои, – махнул отмеченной шрамом рукой Хатч. – Нам с тобой еще работать и работать. Не стоит жадничать.

– Ага.

Худой мужчина поднялся. Дэвид никак не мог решить, сколько Хатчу лет. Старше него и Лили, моложе родителей Дэвида. В этот просвет укладывались бесконечные варианты. Хатч накинул свой пыльно-красный плащ и достал из кармана коричневый вязаный колпачок, встряхнул, как хлыстом щелкнул, и натянул на белесые волосы. Лили встала одновременно с ним, но Хатч, взяв девушку за голое плечо,

развернул ее к Дэвиду.

– Ты не проводишь мою девочку в мир живых, Крошка? У меня еще дела.

– Ладно, – согласился Дэвид.

Лили стянула с лампы свой платок, и грязная комнатуха ярко осветилась. Хатч насмешливо отсалютовал тремя пальцами, разгерметизировал дверь и вышел. По правилам Хатч покидал место встречи первым, а через десять минут мог уйти и Дэвид. Он точно не знал, куда уходит Хатч, и, пока Лили была здесь, с ним, не хотел знать. Она прислонилась к нему, от нее пахло вербеной и девушкой. Она была годом старше, а он мог пристроить подбородок ей на макушку.

– У тебя все хорошо? – спросил он.

– Да, – глуховато и мягко ответила она. – Начинает пробирать.

– Вот и хорошо. – Он прижал ее к себе чуть покрепче. Она опустила голову ему на грудь, и оба молча провели эти драгоценные десять минут.

Семь общин – их называли районами, – разбросанные по северной оконечности залива Авроры, составляли Лондрес-Нова. Город, если это можно так назвать, глубоко зарылся в тело Марса, используя грунт как изоляцию и антилучевое покрытие, а на поверхность пробивались только десять куполов. Здесь жили и работали сорок тысяч человек, высекающих себе пространство в неподатливом камне новой родины – Марса. Станции «трубы» образовали про-

стую сеть, которая определяла форму и структуру общества. Единственной станцией, связанной со всеми районами напрямую, был Атерпол, он де-факто и стал центром города. Солтон располагался под крупнейшим агрикультурным куполом, и от него по поверхности шел монорельс к обсерватории Дханбад-Нова, поэтому в нем концентрировались отделения верхнего университета и технические лаборатории. Нижний университет устроился в Брич-Кэнди, где жила семья Дэвида. Нариман и Мартинестаун с первой волны колонизации стали промышленными и энергетическими районами, а когда их потеснили новые технологии, вступили в борьбу за перестройку и новое предназначение. Иннис-Дип и Иннис-Шэллоус располагали всего одной линией «трубы» на каждый район, что превращало их в тупики и рай для тех марсиан, которые почти уподобились астерам – асоциальным, независимым и нетерпимым. Адрес в любом из Иннисов был меткой маргинала – опасного или беззащитного. Лили жила в Шэллоус, а Хатч – в Дип.

При всех различиях между районами станции «трубы» всюду были одинаковы: высокие сводчатые потолки, свет полного спектра и какофония гулких отголосков: в воздухе смешивались объявления и блеющая музыка настенных пленочных видеомониторов, накатывающая волнами реклама ларьков, торгующих едой и одеждой. Сверху за всем присматривали камеры слежения; программы распознавания выхватывали из толпы лица и помечали их именами.

Воздух, кажется, всегда пах озоном, дешевой едой и мочой. Афиши из полимерной пленки все были на один манер, что бы ни возвещали: занятия йогой, просьбы вернуть потерявшихся животных или самодеятельные концерты. Дэвид бывал в городах долины Маринера и под горой Олимп – станции «трубы» там такие же. Единственная объединяющая черта марсианской культуры.

Дэвид провел Лили сквозь толкотню на станции Мартиностаун. Он пристроил сумку на плече так, чтобы не мешала девушке взять его под руку. Ее походка с каждым шагом становилась все более шаткой. Лили обвилась вокруг него, как плющ на колонне, так что он ощущал напряжение ее мышц, различал его и в голосе, когда она заговаривала. Зрачки у нее сузились от наслаждения и каскада химических процессов в мозгу. Он гадал, что ей видится.

– Ты сам никогда не пробовал? – спросила она, забыв, что делает это уже в третий раз.

– Нет, – снова ответил Дэвид. – У меня старший год. Ни одного вечера свободного. Может, позже, когда получу распределение.

– Какой ты умный, – сказала она. – Хатч всегда говорит, какой ты умник.

Впереди, ближе к краю платформы, что-то скандировала и вздымала плакаты толпа человек в пятьдесят. Дюжина полицейских в форме стояли поодаль, не вмешиваясь, но пристально наблюдая. Дэвид пригнул голову и обошел митинг

стороной. Может, если пройти к туалетам, найдется такой выход на платформу, чтобы не проводить спотыкающуюся девушку мимо полиции. Не то чтобы полиция особенно занималась потоком пассажиров. Все их внимание сосредоточилось на протестующих. Плакатики были написаны от руки или склеены из распечаток на стандартных листах. Один или двое принесли пленочные мониторы, на которых по кругу прокручивались надписи в психоделической радуге цветов: «ДАДИМ СДАЧИ!», и «ЧЕГО ЖДЕМ, ЧТОБЫ И НАС УБИЛИ?», и «ЗЕМЛЯ НАЧАЛА, НАМ ЗАКАНЧИВАТЬ». Последний лозунг сопровождался неумело сделанной анимацией: падающая на Землю глыба и огромный метеоритный кратер с расплавленной лавой, похожий на кровавую рану в теле планеты.

Среди протестующих были разные люди, но большинство немногим старше Дэвида и Лили. Потемневшие от прилива крови лица, разинутые рты – они, как жаром, лучились яростью. Дэвид замедлил шаг, пытаясь сквозь отголоски эха разобрать, что они выкрикивают, но определил только, что фраза была из семи слогов: четыре в зачине, три в ответе. Один из полицейских повернулся к Дэvidу, и тот снова ускорил шаг. Это не его борьба. Ему нет до них дела.

К тому времени, как они вышли на платформу, Лили притихла. Дэвид подвел ее к литой пластиковой лавочке, рассчитанной на троих, но для них двоих в самый раз. Пластик захрустел и скрипнул под его весом, и Лили вздрогнула от этих

звуков. Между бровями у нее пролегли горькие морщинки. Табло обещало «трубу» до Иннис-Шэллоус через шесть минут, четкими арабскими цифрами отсчитывало секунды. Лили заговорила – сдавленным голосом, только Дэвид не знал: от огорчения, или это был побочный эффект наркотика.

– Какие все злые, – сказала она. – Вот бы люди не были такие злые.

– У них есть причины злиться.

Ее взгляд поплыл, не сразу нашел собеседника.

– У всех причины, – сказала она. – У меня причины. У тебя причины. Но мы же не такие. И не хотим такими быть, да? Ты же не злой, Дэвид?

Вопрос прозвучал едва ли не мольбой, и он рад был бы ответить, что нет, он не такой. Он бы что угодно сказал, лишь бы разгладить ее безупречный лоб, а потом отвести ее домой, в ее комнату в жилом комплексе, и целовать, и снимать с нее одежду. Лишь бы увидеть ее нагой, и услышать ее смех, и заснуть без сил в ее объятиях. Он кашлянул, поерзал на лавке.

– Ты ведь не злишься? – спросила она.

Прозвучало негромкое трезвучие сигнала.

– «Труба» на подходе, – выдавив улыбку, сказал он. – Все будет хорошо, ты только расслабься.

Она кивнула и сделала движение, чтобы от него отодвинуться.

– Все красные. Ты тоже красный. Как большая-преболь-

шая вишня. Ты такой умный, – бормотала она. – Так ты сам никогда не пробовал?

В вагоне «трубы» лучше не стало. Эта линия шла на Атерпол, пассажиры здесь были лет на десять старше него. Демографическое давление настроило вагонный монитор на новости. В какой-то обдуманно выбранной студии худой седовласый мужчина перекрикивал смуглую женщину.

– А мне все равно! – кричал он. – Пусть они превратили в оружие объект из какой-то дальней, внесолярной экосистемы – меня это не касается. Мне нет дела до Фебы. И до Венеры дела нет. Меня волнует, зачем они это сделали. Факт тот – и никто его не оспаривает, – факт тот, что Земля это оружие закупила и...

– Вы непозволительно упрощаете. Есть сведения о нескольких заказах, в том числе...

– Земля купила это оружие и обстреливает нас. Вас, меня, наших детей и внуков.

Двери бесшумно закрылись, вагон начал ускоряться. Вагоны «трубы» двигались в вакууме, на подушке магнитного поля, как снаряд гауссовой пушки. Но разгон брали плавно. Через двадцать минут они будут в Атерполе. Или раньше. Лили закрыла глаза, запрокинула голову к стенке вагона. Губы у нее сжались в тонкую линию, и она все крепче цеплялась за руку Дэвида. Наверное, не надо было позволять ей принимать таблетку, пока она не окажется в более тихом и надежном месте.

– Земля предоставила им данные для наведения по целям, – сказала женщина на экране, направив указующую длань в седого мужчину. – Да, преступные элементы в их военных силах, но нельзя пренебрегать ролью официальной, санкционированной...

– Официальной, санкционированной ролью армии? Вас послушать, на Земле идет гражданская война. Я такого не замечаю. Ничего подобного. Я вижу, что самому существованию Марса постоянно угрожают, а правительство пальцем не шевельнет.

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила Лили. – Или спой. Что-нибудь.

– У меня на терминале есть музыка. Хочешь?

– Нет. Ты, своим голосом.

Дэвид поставил сумку под ноги и повернулся к девушке, приблизил губы к самому уху. Ему пришлось немного пригнуться. Он облизнул губы, пытаясь что-нибудь припомнить. В голове было пусто, и он ухватился за первое, что пришло на ум. Почти касаясь губами ее ушной раковины, запел тихо, чтобы никто другой не услышал: «Добрый король Венцеслав на пиру у Стефана глянул в окно...»

Глаз Лили не открыла, но заулыбалась. Вот и хорошо. Десять минут Дэвид напевал ей на ухо рождественские гимны. Если забывал строчку-другую, сам подбирал слова. Наугад, лишь бы кое-как укладывались в размер и мотив.

Удара громче этого Дэвид в жизни не слышал. Именно

что не звук, а удар. Вагон дернулся вперед, задел стену «трубы», потянул за собой Дэвида, потом отбросил назад. Свет мигнул, погас и загорелся другим цветом. Они встали между станциями. Перезагружавшиеся мониторы залило розовато-серой мутью, а когда экраны ожили, на них мерцали трилистники тревоги.

– Это на самом деле? – спросила Лили. Ее расширенные зрачки стиснули радужку до тонкой каемки. – Дэвид, это правда?

– Да, но ничего страшного, – сказал он. – Я здесь. Все хорошо.

Дэвид проверил ручной терминал: может, в новостях скажут, что происходит: энергетическая авария, бунт, вражеская атака, – но сеть вырубилась. С публичных мониторов зазвучал голос, почти сверхъестественно спокойный: «Система общественного транспорта столкнулась с аномалией давления и для безопасности пассажиров закрыта. Сохраняйте спокойствие, скоро придут ремонтные бригады».

Важно было не столько сообщение, сколько тон этого голоса. Лили села чуть свободнее. И захихикала.

– Ну мы и в жопе, – проговорила она и ухмыльнулась Дэвиду в лицо. – В жопе, в жопе, в жопе!

– Да уж, – протянул Дэвид. Мысли его мчались вскачь. Домой он опоздает. Отец захочет узнать причину, а когда обнаружится, что он был в Мартинестауне, начнет задавать вопросы. Что там делал, с кем встречался, почему никому не

сказал? Взрослые пассажиры со всех сторон ворчали, вздыхали, усаживались поудобнее в ожидании спасателей. Дэвид встал и снова сел. Лили с каждой минутой как будто расслаблялась, освобождалась от зажима в спине. Он поймал свое отражение в двери «трубы» – оно взглянуло на Дэвида воровато и испуганно.

Через полчаса со скрипом и хлопком отодвинулся запасной люк в конце вагона. В него вошли мужчина и женщина в одинаковой форме безопасности.

– Привет, люди, – заговорил мужчина. – Все целы? Простим прощения, какой-то придурок взломал герметизацию. Вся система встала часов на шесть минимум. А кое-где и дольше. Мы подогнали рабочие дрезины, они развезут вас по автобусам. Постройтесь по одному, и мы доставим вас к месту назначения.

Лили, когда Дэвид затянул ее в очередь, что-то мычала себе под нос. Он не мог довезти ее до Иннис-Шэллоус и вернуться домой. Пока «труба» не работает – никак. Дэвид прикусил губу. Они продвигались по одному, пассажир за пассажиром скрывались в аварийном выходе, выбираясь во временный шлюз. Он ждал своей очереди целую вечность.

– Вам с ней куда? – спросил мужчина, сверяясь со своим терминалом. У него работал, у Дэвида по-прежнему нет. Мужчина поднял озабоченный взгляд. – Германо¹, вы куда направлялись?

¹ Брат, братец.

– В Иннис-Шэллоус, – ответил Дэвид и поправился: – Ей в Иннис-Шэллоус. Я хотел ее проводить, она плохо себя чувствует. А мне самому в Брич-Кэнди. Я опаздываю на лабораторную.

Лили окаменела.

– Иннис-Шэллоус и Брич-Кэнди. Проходите.

Временный шлюз соорудили из гладкого черного майлара, внутри Дэвид почувствовал себя как в воздушном шарике. Давление подобрали не слишком точно, так что, когда открылась наружная перепонка, у Дэвида щелкнуло в ушах. Проход был широким и низким, оранжевые аварийные лампы наполнили его тенями и высосали все цвета. Здесь было по меньшей мере на десять градусов холоднее – хватило, чтобы кожа пошла мурашками. Лили больше не держалась за его локоть. Она шла, вздернув брови и поджав губы.

– Все будет хорошо, – сказал он, подходя к электрическим тележкам. – Они довезут тебя до дому.

– Да, нормально, – отозвалась она.

– Ты извини. Мне надо домой. Папа...

Она повернулась к нему. В тусклом освещении расширенные зрачки смотрелись естественно. Ее трезвый ответ заставил его задуматься, сколько в ее недавнем опьянении было настоящего, а сколько наигрыша.

– Ты не волнуйся, – сказала она. – Мне не впервой спотыкаться на людях. Я о себе позабочусь. Просто думала, ты зайдешь поиграть. Ошиблась. Обломалась, и не будем об этом.

– Извини. В следующий раз.

– Звони. – Она пожала плечами. – В следующий раз.

Водитель кара на Иннис-Шэллоус выкликнул пассажиров, и Лили забралась к нему, втиснувшись между пожилым мужчиной и какой-то бабушкой. Она коротко махнула Дэвиду. Пожилой мужчина бросил взгляд на Дэвида, снова на Лили, присмотрелся к ее фигуре. Тележка дернулась, взвизгнула и снова дернулась. Дэвид посмотрел, как она отъезжает. Из-за стыда, раскаяния и желания он почувствовал себя больным. Кто-то тронул его за локоть.

– В Брич-Кэнди?

– Да.

– Тогда тебе сюда. Черт, какой ты большой! Ну, ничего, найдем место.

К этому дню прошло почти ровно два года, как Дэвид познакомился с Хатчем в нижнем университете. Дэвид сидел в общем зале на широких, покрытых ковром скамьях с мягкими, органическими изгибами, радушно принимавших обедающих студентов. Дэвид к тринадцати годам уже два года специализировался на биохимии. Его последняя лабораторная касалась транспортной системы тРНК, а сейчас он читал литературу по работе углеродного комплекса, по плану на следующее полугодие, и тут один из старших – смуглокожий паренек по имени Альвази, – подсев к нему, сказал, что Дэвиду надо бы познакомиться с одним человеком.

Хатч тогда представлялся обычным научным сотрудни-

ком, хотя уже в те времена в нем что-то такое чувствовалось. Дэвид несколько месяцев считал этого человека независимым репетитором – из тех, кого нанимают для отстающих. Дэвиду еще оставалось семь лабораторных практик до распределения, так что он не уделял мыслям о Хатче много времени. Тот стал всего лишь одним из лиц в круговерти нижнего университета, одним из тысячи незначительных персонажей. Или хотя бы из сотен.

Задним числом Дэвид понимал, как Хатч его испытывал. Началось с невинных мелких просьб – передать соседке по столу, что Хатч ее искал, добыть ему несколько граммов разрешенного реактива, поддержать у себя его коробочку. Дэвиду нетрудно было все это исполнить, он и исполнял. Хатч каждый раз хвалил его или расплачивался мелкими услугами. Дэвид стал замечать, с какими людьми Хатч водил знакомство: с хорошенькими девушками, с крутыми на вид парнями. Несколько преподавателей нижнего звена знали Хатча в лицо и держались с ним пусть не слишком дружелюбно, но уважительно. Дэвид не сумел бы точно сказать, когда он из простого знакомого Хатча превратился в его «повара». Он пересек черту так гладко, что ни разу не тряхнуло.

По правде сказать, он бы работал по заданиям Хатча и бесплатно. Открыто тратить деньги он не мог, родители стали бы задавать вопросы, – поэтому спускал по мелочам: купить маленький подарок для Лили, заплатить за всю компанию за столом или порадовать себя покупкой, какую сумел

бы объяснить. Большею частью деньги оставались лежать на счету, и понемногу их прибывало. Деньги для него были ценны не сами по себе, а в качестве тайны, его собственной.

После распределения, переселившись в студенческое общежитие в Солтоне, Дэвид получил бы больше свободы. На деньги Хатча обзавелся бы самой лучшей игровой панелью, приоделся. И водил бы Лили по шикарным ресторанам, никому не объясняя, где был и с кем. Вкалывать придется как следует, особенно если попадет в медицину или на разработки. Он слышал рассказы о первогодках, которым в командах разработчиков приходилось отбывать пятидесятишестичасовые смены без сна. После такого выделить еще шесть часов на Хатча будет непросто, но об этом он подумает, когда дойдет дело. Пока у него имелись более насущные проблемы.

Автобусы оказались старыми визгучими электрокарами, многие отстали от жизни на два поколения. Под Дэвидом щелкала какая-то тяга, пенорезиновые колеса словно липли к дороге. Дэвид ссутулился в кресле, по возможности прижимая к себе локти. Все пассажиры вокруг скучали и ерзали. Система так и не подключилась, ручной терминал мог порадовать только тем, что хранилось в локальной памяти. Дэвид проверял его каждые несколько секунд – просто от нечего делать. Мимо медленно проплывали широкие тоннели, трубы и кабели напоминали кровеносную систему зверя. Казалось, коридор никогда не кончится, а ведь расстояние от Мартинестауна до Брич-Кэнди составляло не больше сорока

километров.

Ему сегодня полагалось быть в лабораториях нижнего университета. Оттуда, даже если весь общественный транспорт отменили, до дома было полчаса пешком. Дэвид прикинул, что можно будет сказать, будто увлекся и дольше обычного не мог закончить работу. Только вот тем же предлогом он объяснял лишние часы работы для Хатча. Мать, как у нее водилось – укоряя без слов, – уже задумывалась, не отвлекается ли он от дела. Узнай родители, что он покидал район, получится уже плохо. А если узнают зачем – вообще конец света. Дэвид хрустел суставами пальцев и усилием воли торопил автобус.

Нетрудно было бы вообразить, будто Лондрес-Нова существует только вдоль линии труб, но в действительности поколения колонистов и предтерраформаторов создали под безвоздушными промерзшими пустынями Марса целую сеть тоннелей. Многие ветви первых тоннелей забросили: отгородили герметичными переборками и оставили выпускать атмосферу и тепло в плоть планеты. Доставочные тоннели подсоединили к линиям профилактики электросети. Дорогу можно было срезать, и водитель автобуса знал короткие пути. Как раз когда Дэвид готов был расплакаться или заорать от злого нетерпения, показался край парка Левантин и северная окраина Брич-Кэнди. Автобус шел быстрее пешехода, но от одного понимания, где он находится, от возможности мысленно проложить маршрут до дома нетерпение чу-

точку отступило. А страх, пожалуй, усилился.

«Я ничего плохого не сделал, – твердил он себе. – Был в лаборатории. Объявили тревогу, и сеть легла. Мне надо было закончить опыт, а времени ушло больше обычного, потому что все суетились, выясняя, что случилось. Только и всего. И больше ничего».

Пятая остановка автобуса была самой ближней к их семейной норе. Дэвид вывалился в коридоры своего квартала, понунив голову и сдвинув плечи, словно защищал что-то, прижатое к груди.

Семья жила в разделенном на восемь комнат отростке тоннеля, пробитого в камне и отделанного текстурированной органикой. Бамбуковый пол сочного бежевого оттенка сходиллся с коричневыми, как шляпка гриба, стенами. Рассеянный свет подражал солнечному вечеру на земле. Дэвид считал, что домашнее освещение именно таким и должно быть. В общей комнате бормотали новости – значит, какую-то часть системы безопасности уже подключили. Дэвид закрыл за собой дверь и прокрался через кухню, прижав сжатые кулаки к бедрам и часто, неглубоко дыша.

Тетя Бобби сидела в своем логове одна. В другой семье она была бы великаншей, а на кривой роста Драперов укладывалась в середину, зато была спортивной и сильной. Носила она простую свободную одежду – не то тренировочные костюмы, не то пижамы. Они почти скрывали изгибы ее фигуры. Повернувшись к Дэvidу от экрана, она встретила его

взгляд и убрала звук. Репортер серьезно говорил что-то в камеру. За его спиной мех-подъемник тащил ферробетонную плиту.

– Где папа? – спросил Дэвид.

– Они с твоей мамой застряли в Солтоне, – ответила Бобби. – Прорыв как раз на той линии. Безопасники обещают все запустить примерно за десять часов, но твой отец сообщил, что они, скорее всего, снимут комнату, а домой вернуться утром.

Дэвид заморгал. Никто не собирался устраивать ему выволочку. Где же чувство облегчения? Он повел плечами, чтобы сбросить с них тяжесть, но та никуда не делась. Хотя и нелепо злиться на родителей за то, что не придется с ними ссориться.

– Известно, что случилось? – спросил он, проходя в комнату.

– Диверсия, – ответила тетя Бобби. – Кто-то пробил стенку между «трубой» и техническим тоннелем, в нее засосало несколько тысяч кубов воздуха. И вакуумную герметизацию вывели из строя, вот вся система «трубы» и лопнула, как воздушный шарик.

– Земля?

Тетя Бобби покачала головой.

– Земляне так не мелочатся, – сказала она. – Это местные что-то затевают.

– Зачем бы местным портить свое добро, если они злы на

Землю?

– Затем, что до Земли слишком далеко.

Дэвид не услышал в ее словах ответа на свой вопрос, но только пожал плечами.

Тетя Бобби смотрела и на экран, и мимо экрана. Видела что-то другое. Дэвид знал, что война застала ее на Ганимеде и там случилось нечто такое, что она ушла из армии и поселилась с ними. Он считал, что она не вправе тащить свои проблемы к ним в дом.

Бобби вздохнула и выдавила улыбку:

– Как у тебя с лабораторными?

– Порядок.

– Над чем работаешь?

– Просто опыты, – сказал он, глядя в сторону.

– Твой папа говорит, у тебя скоро распределение. Узнаешь, чем будешь заниматься в ближайшие восемь лет.

– Наверное.

Тетя Бобби улыбнулась.

– Помню, когда я начинала подготовку, в системе уведомлений случился срыв, и мне шесть дней не могли найти место распределения. Я каменную стену прогрызла, пока добилась. А ты как? Чего больше: волнения, страсти или злости?

– Не знаю.

– Папа тобой по-настоящему гордится, – сказала тетя Бобби. – Что бы ни случилось, он всегда будет гордиться тобой.

Дэвид почувствовал, как горячая волна заливают шею и

щеки. На секунду подумалось, что от стыда, но почти сразу он распознал в себе ярость. И, сцепив зубы, уставился в монитор, лишь бы не глядеть на тетю Бобби. Мех двигался к рваной дыре метра два высотой и полметра шириной, управляющий им человек говорил с репортером, а стальной коготь машины нацелился на трещину, непредсказуемо расползавшуюся по стене от пробоины. У Дэвида заныли зубы, он заставил себя разжать челюсти. Тетя Бобби снова повернулась к экрану. Он не мог прочесть ее мыслей по лицу, но чувствовал, что чем-то выдал себя.

– На ужин у нас что-нибудь есть?

– Я ничего не готовила, – сказала она. – Но могу.

– Да ладно. Ухвачу тарелку риса. У меня еще работа. По практике.

– Хорошо.

Комната Дэвида была последней. Пробитая в расчете на человека среднего роста, его она прижимала к земле. При стандартной кровати между ногами и стеной оставался бы полуметровый просвет: кровать Дэвида еле влезла. Игровая панель – единственное, на что он потратил деньги Хатча, – стояла на краю стола. На стене застыл кадр из «Богов риска»: Каз Пратъяри готовился к поединку с Микки Саанамом, оба выглядели сильными, опасными и несколько меланхоличными. Когда защелкнулся дверной замок, Дэвид переключил стену на любимый портрет Уны Мейнг и рухнул на кровать. Из общей комнаты доносилось бормотание ново-

стей и сквозь него, на грани слышимости, медленное, ритмичное побряхтывание тети Бобби. Скорее всего, она работала с эспандером. Ему хотелось вовсе избавиться от звуков. Чтобы дом принадлежал ему одному. Дэвид подумал, все ли в порядке с Лили. Благополучно ли она добралась. Сердится ли на него. Или разочарована?

Загудел его ручной терминал. Сообщение от нижнего университета. Вследствие террористической атаки на линии «трубы» завтра лаборатории будут закрыты. Учащиеся, чью работу нельзя отложить на сутки, должны обратиться к куратору сектора, который либо даст им спецпропуск, либо проделает за них часть работы. Дэвид мысленно пробежался по списку. У него ничто не требовало его присутствия, а если он немного отстанет, так ведь отстанут все. Он не хранил в лаборатории реактивов от Хатча, так что, если служба безопасности устроит проверку, тоже ничего страшного. Значит, завтра у него выходной.

В голове прозвучал голос Лили: «Почему бы тебе самому не попробовать?» Вот сейчас где-то в Иннис-Шэллоус химические процессы в мозгу Лили текут по длинному ряду каскадов, от одного неравновесного положения к другому. Зрительная кора запускает странные волны, гиппокамп плывет. Дэвид перевернулся на бок, сунул руку в просвет между рамой кровати и стеной и вытянул маленький фланелевый мешочек. Розовые таблеточки почти потерялись в его широкой ладони. На вкус они были как клубничный ароматизатор с

декстрозой.

Дэвид сцепил пальцы на затылке, посмотрел на глядящую со стены женщину и стал ждать, ждать, ждать, когда наступит блаженство.

Нижний университет был одним из старейших комплексов Лондрес-Новы; автоматические строймехи сделали первую отметку, когда на планете жило всего несколько тысяч человек. Сеть коридоров была простой, прямоугольной и жесткой. В общих помещениях – все предпочитали говорить «на улице» – чувствовались попытки смягчить и очеловечить пространство, но внутри оставались низкие потолки и прямые углы. К тому же первые проектировщики колонии и не думали прятать инфраструктуру. В и без того узких коридорах часть места по углам занимали трубы и электропроводка. Полы были покрыты металлическими решетками, и, чтобы пройти в дверь, Дэвиду приходилось пригибать голову. Сотни вытяжек, уводящих испарения к воздухоочистительным установкам, создавали постоянный сквозняк от входной двери, подталкивали студентов внутрь и мешали выйти.

Шкаф Дэвида располагался в третьем коридорном холле. В ряду старших. Он был вдвое шире прошлогоднего, и запорный механизм не заедало, как у старого. На дверцу Дэвид налепил пару наклеек – Каза Пратьяри и мультяшный кадр из канджи, – но ему было далеко до многоцвет-

ного сияния соседнего шкафчика. Тот принадлежал девочке с промышленной инженерии – Дэвид сталкивался с ней только в этом холле. На каждом шкафчике что-нибудь да было: картинка, табличка, шарж, распечатанный на пластике и вплавленный в металл дверцы. Просто метки, говорящие, что шкаф принадлежит определенному человеку, немного – совсем немного – отличающемуся от других.

В конце цикла каждый из старшего ряда получит распределение, заберет вещи, и шкафы перейдут следующему году. Их отскребут дочиста, продезинфицируют, снова обезличат до прихода новых хозяев. Дэвиду рассказывали, как прилив смывает песчаные замки на берегу, но он никогда не видел океана. Ближайшим подобием были для него шкафчики старших.

Закрыв дверь, Дэвид подошел к своему рабочему месту. Станции «трубы» заработали, родители вернулись домой, нижний университет открылся, и теперь лаборатория была местом, которое отвращало его меньше других. Мышцы спины и бедер еще ныли после ночи, когда он испробовал свой товар, и Дэвид вместе с удовлетворением, что можно будет сказать Лили – да, попробовал, – чувствовал облегчение, что новой пробы ему не позволит расписание. Все это было как очень длинный, приятный, но скучноватый сон. И туман, оставшийся после у него в голове, Дэвида не радовал.

Лабораторный опыт подходил к концу. Вмонтированный в рабочий стол терминал был настроен на данные со всех се-

ми образцов, составлявших комплекс его последней лабораторной. Идея работы состояла в том, чтобы создать сложные клеточные структуры, способные секвестровать железистые соединения. Не святой грааль, но добротная солидная головоломка, которая, если сложится, найдет множество применений в работе по терраформированию. За день, пока его не было, накопилась двойная порция данных для оценки.

Как и у всех остальных.

– Эй, Большой Дэйв?

Стефан вместе с тремя другими студентами работал в группе мистера Ока. Он стоял в дверях, опирался на костыль и неловко улыбался. Бледен он был как беленая мука, да еще страдал аллергией на фармакоктель, который придавал плотность его костям и позволял мускулам функционировать в низком тяготении Марса. С начала года он второй раз ломал ногу.

– И тебе эй, – отозвался Дэвид.

– Сумасшедший дом с «трубой», да?

– Блеск, – сказал Дэвид.

– Такое дело, я хотел спросить... э-э...

– Тебе что-то нужно, – констатировал Дэвид.

– Ага.

Дэвид побарабанил толстыми пальцами по экрану, предоставляя системе накапливать данные без его участия. Стефан прохромал в комнату. Для них двоих лаборатория была тесновата.

– У меня там в одной серии аномальные результаты. То есть здорово отклоняются. Втрое против стандартного.

– Влип ты, кузен.

– Знаю. Подумал, может, беда в реактивах.

– Беда? Или ошибка?

– Ошибка – тоже беда. В общем, такое дело. Я знаю, у тебя есть запас, вот и подумал...

– Запас?

В груди у Дэвида стянулся узелок. Стефан пожал плечами и отвел взгляд, словно нечаянно сказал лишнее.

– Ну да. Ничего такого, верно. Но в моих хромидях много требуется таких же. Если соберу на новую серию, можно будет стереть ошибочный результат.

– У меня не так уж много.

Стефан склонил голову и потупил глаза. Облизнул губы, и во всей его позе угадывалось отчаяние. Дэвид сам тысячу раз пытался представить, что будет, если он запрет лабораторную. Тем более прямо перед распределением. Это был общий кошмар.

– Да есть у тебя, – сказал Стефан. – Ты всегда берешь оборудование и запасы из того шкафчика. То есть, ну, ты понял.

– Не понял, – отрезал Дэвид. Во рту появился вкус меди.

– Наверняка понял, – не поднимая взгляда, произнес Стефан.

В комнате запахло жареным. Стефан прятал глаза, как побитая собака, но отступить не собирался. Стены сдвинулись

слишком тесно, воздуха стало мало. Стефан выдышал весь кислород. Он метнул взгляд в лицо Дэвиду и тут же снова отвел. Много ли он знает? А подозревает? И кто знает, кроме него?

– Я тебе помогу, – проговорил Дэвид так осторожно, будто слова могли поранить ему язык. – Напиши, что тебе понадобится для нового опыта, а я помогу достать, годится? Сможешь начать сначала. И с удалением данных разберемся.

– Конечно, спасибо. – Стефан расслабил плечи с неподдельным облегчением. – Спасибо тебе.

– А мистер Ок знает про тот другой шкафчик?

– Нет, – почти заговорщицки ухмыльнулся Стефан. – И не узнает, верно?

Итак, вместо того чтобы обрабатывать свои результаты, Дэвид целое утро слонялся по лабораториям в поисках человека, с которым можно было бы договориться. Таких хороших знакомых оказалось меньше, чем он надеялся, а от повисшего в воздухе напряжения все стали несговорчивыми. Все отставали от графика. У каждого хватало своих проблем. Все волновались из-за лабораторных, распределения, из-за отношений с родными. К полудню Дэвид сдался. Оставался единственный выход: выйти в сеть и заказать реактивы для Стефана у поставщика. Это не так уж истощит его тайный счет, и не он один спохватывается насчет материалов для лабораторной в последнюю минуту. Большинство закупают материалы для себя, подумалось ему, но не покажется

странным, если кто-то окажет такую услугу приятелю. Лишь бы никто не спросил, откуда деньги.

Вернувшись к собственному столу, он чувствовал себя так, словно уже отпахал целый день, – а ведь еще и не начал толком.

Быстро пролетели часы. К обеду он разобрал и обработал все данные за день аварии на «трубе» и перешел к результатам следующего. Но тут стали поступать данные за время, что он прослонялся по комнатам. С каждым входящим файлом перед Дэвидом сгущалась ночь. Может, не спать сегодня? Если до завтра продержится – успеет разобрать завал. Это если никто ничего больше не взорвет, если Стефан не потребует за молчание чего-то еще, и тетя Бобби не вздумает втянуть его в силовую зарядку, и вообще. Дэвид попытался вытряхнуть зарождающуюся в затылке боль и вернулся к работе.

На седьмой минуте обеденного перерыва у него загудел терминал. Он большим пальцем нажал: «Принять».

– Ты на обед не придешь? – спросила мать. Голос звучал тонко и слабо, словно втянутый через соломинку воздух.

– Нет, – ответил Дэвид, – мне тут надо закончить с результатами.

– Мне казалось, для этого тебе целый день дают, – сказала она. На экране терминала мать выглядела иначе, чем вживую. Не моложе, не старше, а то и другое вместе. Как если бы уменьшенное изображение стерло ей все морщинки у глаз и

губ, зато проявило всю седину в волосах.

– У меня еще дела появились.

Ее уменьшенное экраном лицо казалось холодным и далеким. Усталые плечи Дэвида словно взвалили на себя тяжелый груз.

– Надо уметь распределять время, Дэвид, – произнесла мать, словно ей это только что пришло в голову. Безотносительно к нему.

– Знаю, – сказал он.

– Я приготовлю что-нибудь к твоему возвращению. Не держивайся после полуночи.

– Не буду.

Связь прервалась, и Дэвид вернулся к своим данным, зарычал и врезал кулаком по дисплею. Монитор не сломался. И даже не выдал ошибки. Как будто ничего не было. Следующий вызов поступил вечером, когда лаборатории уже стали пустеть. Голоса в коридоре затихали, почти терялись в гудении и постукивании аппаратуры. Появились уборщики, пожилые мужчины и женщины с влажными тряпками и чистящими средствами. Дэвид едва не пропустил трезвучия вызова. Только чуточку забеспокоился: зачем бы кому-то посылать сообщение вместо того, чтобы выйти на связь. И он все-таки посмотрел. Сообщение было от Лили, с заголовком: «ОТКРОЙ, КОГДА БУДЕШЬ ОДИН». Дэвид забыл о работе. В воображении пронеслись всевозможные варианты записок, которые девушка может тайком присылать юноше.

Плотно закрыв дверь лаборатории, он склонился над терминалом.

У нее там было темно, свет падал сбоку. На заднем плане пели радж, сплошные трубы и заливистые трели мужским голосом. Она облизнула губы, бросила взгляд на панель управления и снова на экран.

– Дэвид, кажется, я влипла, – заговорила она. Голос дрожал, слова она произносила с придыханием. – Мне нужна помощь, да? Мне понадобится помощь, а тебе я нравлюсь, я знаю. Ты мне тоже нравишься, и, мне кажется, ты мне поможешь выбраться, да? Мне нужно денег в долг. Может быть... может быть, много. Скоро буду знать. Может быть, завтра. Просто пришли сообщение, если сможешь. И не говори Хатчу.

Женский голос откуда-то издалека перекрыл музыку, Лили протянула руку. Дисплей вернулся к настройкам, и Дэвид ввел запрос на связь, который после положенной паузы предложил оставить сообщение. Крякнув с досады, он ввел новый запрос. И еще раз. Система Лили была не в сети. Дэвиду страшно хотелось броситься на станцию «трубы» и самому добраться в Иннис-Шэллоус, но он не знал, где ее там искать. Не знал даже, откуда она отправила сообщение. Любопытство и ужас сплетали для него сотню объяснений. Лили взяли с товаром, и теперь надо заплатить полицейским, чтобы не попасть за решетку. Ее нашел кто-то из врагов Хатча и угрожает смертью, если она не скажет, где его искать, –

и ей надо бежать с планеты. Или она забеременела, и ей надо в Дханбад-Нова на аборт. Он задумался, сколько ей понадобится денег. Представил, как она улыбнется, когда он их принесет. Когда спасет ее – от чего там надо спасать. Но прежде всего следовало зафиксировать данные и попасть домой. Чтобы никто ни о чем не узнал. Он поставил ручной терминал на запись и сдвинулся к центру картинки.

– Я постараюсь, Лили. Только ты со мной свяжись. Расскажешь, что случилось, и я сделаю, что тебе нужно. Обещаю. – Он чувствовал, что не все сказал. Что-то надо было добавить. Что – он не знал. – Что бы там ни было, мы пробьемся, да? Ты только мне позвони.

Он ввел адрес и отправил сообщение. И весь вечер ждал гудка вызова. Не дождался.

Домой он попал ближе к полуночи, но отец и тетя Бобби еще не спали. Монитор в большой комнате передавал популярную программу – там что-то воодушевленно вещал седой мужчина с рублеными чертами лица. Звука не было, и казалось, будто выступающий добивается их внимания. Отец Дэвида сидел на диване, массивной фигурой подавив все пространство от подлокотника до подлокотника – как король на троне. Тетя Бобби прислонилась к стене, на каждой фразе поднимая одной рукой тридцатикилограммовую гирю и плавно опуская, пока слушала.

– Мне так видится, – сказала она.

– Но это не так, – ответил ей отец. – Ты – подготовленный

профессионал. Сколько средств вложил в тебя Марс, пока ты служила? Эти ресурсы не с неба свалились. Марс кое-что отдал, чтобы открыть тебе дорогу, обучить тому, что ты умеешь.

Этот тон был знаком Дэвиду с малых лет – тон, от которого у него внутри все сворачивалось. Мужчина на экране гневно воздел руку – и, опустив ее, изобразил обаятельную улыбку.

– Я это ценю, – заговорила тетя Бобби тихо и сдержанно – но ее слова кричали громче, чем повышенный тон отца. – Я служила. На этой моей дороге случилось много восемнадцатичасовых вахт и...

– Нет-нет-нет. – Отец замахал широкой ладонью, словно дым разгонял. – Ты не должна жаловаться на переработки. Работа инженера требует не меньшей отдачи...

– И много погибавших у меня на глазах друзей, – закончила тетя Бобби. Гирия поднялась и опустилась во внезапно наступившем молчании. Тетя Бобби переложила груз в другую руку. У отца лицо налилось кровью, пальцы сжимали колени. Тетя Бобби улыбнулась. И грустно продолжила: – Ты хочешь взвалить на меня еще и это. Валяй, попробуй.

Дэвид поставил терминал на кухонный стол – пластик, щелкнув по пластику, предупредил их о его приходе. Когда взрослые обернулись к нему, Дэвид заметил семейное сходство. На миг ему увиделись старший брат с младшей сестрой, ведущие не прекращавшийся с детства разго-

вор. Кивнув им, Дэвид отвернулся, потому что эта мысль его взволновала и немного смутила.

– С возвращением, – приветствовал его отец, поднимаясь с дивана. – Как дела в лаборатории?

– Хорошо, – ответил Дэвид. – Мама обещала оставить мне поесть.

– В холодильнике карри.

Дэвид кивнул. Он считал, что карри – это невкусно, но есть можно. Положив двойную порцию в самонагревающуюся тарелку, он установил ее на подогрев. Глаз не поднимал, одновременно надеясь, что старшие, вернувшись к разговору, забудут о нем, и страхась услышать их ссору. Тетя Бобби откашлялась.

– Узнали что-то новое насчет «трубы»? – спросила она. Перемена голоса сказала Дэвиду, что она выбрасывает белый флаг.

Отец протяжно вдохнул и выдохнул через нос. В карри привкус имбиря был заметней обычного, так что Дэвид задумался, не тетя ли его готовила.

– В новостях говорили, что нашли улики, – наконец подал голос отец. – Думаю, до конца недели кого-то задержат.

– А о внешнем вмешательстве не упоминали?

– Нет. Какой-нибудь придурок из протестующих решил доказать, как мы уязвимы, – отрезал отец с такой уверенностью, словно знал наверняка. – Это всюду случается. Я так скажу – гнусные эгоисты. Мы как раз составляли месячный

график. Теперь каждый потерял по меньшей мере день. Для одного человека это немного, но тут из графика выбились тысячи. Как это наш папа говорил: если триста шестьдесят пять человек пропустят одну смену, мы в один день потеряем год. Помнишь?

– Да, что-то такое было, – кивнула тетя Бобби. – Мне помнится насчет девяти тысяч, пропустивших час.

– Мысль та же самая.

Терминал Дэвида пропел трезвучие, и сердце у него заби-лось, но оказалось – просто автоматическая система оповещений нижнего университета прислала расписание на следующую неделю. Дэвид равнодушно просмотрел. Никаких неожиданностей. Со своей работой он как-нибудь уложится. Убрав звук, он переключился обратно к сообщению Лили – просто чтобы увидеть ее лицо, движение ее плеч. Она снова облизнула губы, опустила и подняла глаза. В памяти он слышал ее голос. Не по этому сообщению, а вчерашний – последнее, что она сказала в ночь аварии на «трубе». «Думала, ты зайдешь поиграть, и ошиблась».

О господи! Она думала о сексе с ним? А Хатч не рассердится? Или Хатч для того и отослал их вместе? Ради того все и затевалось? Унижение смешалось у него в крови с трудно сдерживаемым эротическим возбуждением, и карри показался совсем безвкусным. Надо найти Лили. Завтра, если она не даст о себе знать, он поедет в Иннис-Шэллоус. Поспрашивает там. Кто-нибудь ее да знает. Обработку данных

можно отложить на денек. Или поручить Стефану. Как-никак, парень ему должен...

— Ну, детка, — сказал, заходя к нему, отец. Дэвид перевернул терминал вниз экраном. — Уже поздно, а мне завтра на работу.

— Мне тоже, — ответил Дэвид.

— Не засиживайся допоздна.

— Хорошо.

Отец пожал ему плечо и тотчас убрал руку. Дэвид доел последние крошки карри и запил холодной водой. Тетя Бобби в гостиной сменила программу на мониторе. Маленькая темнокожая старушенция в оранжевом сари, склонившись к интервьюеру, с вежливым презрением на лице выслушивала его вопрос. Тетя Бобби выдавила ядовитый смешок и отключила экран.

Она прошла в кухню, массируя себе левый бицепс правой рукой и морщась. Она вообще-то была ненамного крупнее отца, зато гораздо сильнее и от этого носила свой вес так, как носила. Дэвид стал вспоминать, убивала ли она кого-нибудь. Вроде бы кто-то рассказывал, как она кого-то убила, но он тогда плохо слушал. Она опустила глаза — может быть, на его перевернутый терминал. Улыбка ее показалась Дэвиду едва ли не жалобной — очень странно. Она прислонилась к раковине и принялась растягивать кисти, сцепив пальцы и напрягая запястья.

— Ты скалолазанием не занимался? — спросила она.

Дэвид, подняв на нее глаза, передернул плечами.

– Я в твоём возрасте все время лазала, – сказала она. – Брала дышалку и пару приятелей. Выбирались на поверхность – или вниз лезли. Пару раз до распределения я спускалась в пещеру Великана. Без страховки. И воздуха в баллоне брали ровно столько, чтобы хватило добраться и вернуться к ближайшему ходу. Вся штука была в том, чтобы насколько можно облегчить вес. Самый тонкий костюм. Ни веревок, ни крючьев. Раз я пережидала бурю на полкилометра над землей, забив кулак в трещину, чтобы не унесло. Слышала только, как песок скребет по шлему, а ребята орут, чтобы я выбиралась оттуда.

– Жуть, – равнодушно произнес Дэвид. Она не заметила сарказма – или не пожелала заметить.

– Это было здорово. Одна из лучших моих вылазок. Хотя твой дед этого не одобрял. Единственный раз, когда он называл меня дурой.

Дэвид налил себе еще стакан воды и выпил. Ему было трудно это представить. Папин-пап всех и за все хвалил. Доходило до того, что его похвалы уже ничего не значили. Дэвид не мог представить деда настолько рассерженным. Отец, когда злился на папин-папа, иногда звал его «старшим сержантом». Дэвиду показалось, будто тетя говорит о ком-то другом, незнакомом.

– Была причина, – продолжала тетя Бобби. – За месяц до того разбился один знакомый парень. Трой.

– Как это случилось?

Теперь пришла ее очередь пожимать плечами.

– Поднялся довольно высоко и не удержался. При падении пробило баллон, и, пока до него добрались, Трой умер от удушья. Меня там не было. Мы не дружили. Но для папы все скалолазы были одним миром мазаны, и что случилось с Троем, случится и со мной. Тут он был прав. Он только думал, понимаешь ли, что я об этом не знаю.

– А ты знала.

– Знала, конечно. Потому и полезла, – согласилась она и кивнула на терминал. – Когда ты при нем так спешишь перевернуть, ему только любопытнее.

Дэвид проглотил медный вкус страха и на несколько сантиметров отодвинулся от стола.

– Там ничего такого. Прислали расписание.

– Пусть так. Но когда ты перевернул, ему стало любопытно.

– Ничего там любопытного нет, – повысил голос Дэвид.

– Да и ладно, – с мягкой силой произнесла она, и Дэвиду не захотелось ни продолжать разговор, ни поднимать на нее глаза.

Тетя Бобби ушла в гостевую комнату, где спала. Услышав, как у нее включился душ, Дэвид снова поднял терминал и проверил, не пришло ли чего от Лили. Пусто. Он сбросил остатки ужина в утилизатор и отправился к себе. Едва упал в постель, мысли понеслись галопом. В голове прокручива-

лись варианты – зачем Лили могли понадобиться деньги: на наркотики, на адвоката, на выезд с Марса? Едва подумав, не собралась ли она улетать, он поверил в это, и в груди образовалась безнадежная пустота. И еще она велела не говорить Хатчу. Может, она чем-то его разозлила и теперь спешит сбежать?

Он задремал, представляя, как заслоняет Лили от Хатча, смело глядя ему в лицо. Он прогнал эту сцену с самого начала. Вот он застаёт их дерущимися и отталкивает Хатча от Лили. Или он с Лили, а Хатч бросается на нее. Он перепробовал разные фразы: «Тронь ее – и я превращу твою жизнь в ад!» и «Ты думаешь, сила за тобой, но я, братец, Дэвид Драпер, а не хрен с горы!» – и представил, как они действуют. Благодарность Лили не ограничилась поцелуем – он вообразил, как она берет его ладонь и притягивает ее себе на грудь под блузку. Он почти ощутил пальцами ее тело. Он почти уловил ее запах. Сон перешел в другой, где надо было закончить обработку данных, а Лили требовались деньги, чтобы подделать тест на беременность, а банк располагался в трещинке в углу гостиной, и у него рука в нее не пролезала.

Когда зазвонил будильник, Дэвид решил, что часы врут. Тело было еще слишком тяжелым, слабым – как в середине ночи. Но нет, уже утро. Он подтянулся на край кровати, свесил ноги и зажал глаза ладонями. Воздушные фильтры пропустили желанные в другое время запахи кофе и сосисок к завтраку. Со стены на него смотрела Уна Мейнг, обещая

взглядом нечто глубокое и таинственное. Со смутным раздражением, разлившимся по всему телу, он переключил ее изображение на предустановленный в настройках восход над горой Олимпа. Туристский вид.

Надо было составить план. Может, все-таки связаться с Хатчем. Не говорить, что Лили к нему обращалась, а просто – что ему за нее тревожно. Что он хочет ее найти. Тем более это правда. Он должен найти Лили, где бы она ни была, и проверить, все ли с ней хорошо. А потом закончить лабораторную. До Иннис-Шэллоус и обратно почти два часа дороги, но, если поработать в обеденный перерыв или поесть прямо в лаборатории, он потеряет всего час. Требовалось еще обдумать, как ее искать, когда он туда попадет. Очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Пусть даже с Хатчем. Но никого не было, и решать приходилось самому. Шевелись, спрашивай, ищи. Она на него рассчитывает. На миг он снова ощутил прикосновение ее руки, тонкий мускусный запах волос. Да, он это сделает.

Никаких проблем.

В Иннис-Шэллоус ходила всего одна «труба» – туда и обратно по той же линии. После диверсии охрану усилили, по вагонам курсировали хмурые мужчины и женщины, вооруженные пистолетами и газовыми гранатами. На станции Иннис-Шэллоус не прозвучало даже лаконичного сообщения, что конечная – Атерпол, как будто в мире теперь было всего два места – Иннис-Шэллоус и все остальное. Согласно

официальной статистике, в Иннис-Шэллоус жило и работало шесть тысяч человек, но Дэвид, выйдя из «трубы», попал в толпу. В главных коридорах сквозь изоляцию просвечивал древний камень. Места мелких происшествий были отмечены накопившимися за десятки лет белыми шрамами. Люди перемещались с уровня на уровень пешком или по эстакадам на электрокарах. Большинство не замечали Дэвида, но кое-кто подчеркнуто таращился. Он понимал, что чужой здесь. Его выделяла среди местных одежда и манера держаться. Целую минуту Дэвид проторчал посреди коридора, засунув руку в карман и обхватив пальцами ручной терминал. Тихое гудение готовящейся к отправке в обратную сторону «трубы» за спиной прозвучало как дружеский голос: «Иди ко мне. Убирайся отсюда. Не глупи».

И он бы послушался, сел снова в «трубу» и вернулся, не задержавшись в чужом районе и пяти минут. Если бы не Лили.

Дэвид сжал зубы, набычился и зашагал по коридору, забирая, сам не зная почему, влево. Горло перехватило, захотелось помочиться. Пройдя метров двадцать вдоль киосков аренды машин и настроенных на развлекательные программы мониторов, он высмотрел ресторанчик и зашел в него. Женщину за прилавком можно было принять за астерку: тонкое худое тело, слишком крупная голова. Она дернула подбородком и кивком указала вошедшему на полдюжины выщербленных пластиковых столиков.

– Выберите любой, – предложила она с незнакомым Дэвиду сильным акцентом.

Мальчик, застыв на месте, так долго набирался отваги заговорить, что женщина подняла бровь. Он выхватил из кармана терминал, протянул ей. На экране застыл стоп-кадр из сообщения Лили. Не слишком удачный, но лицо было вполне узнаваемым, рот не открыт на полуслове, ничего такого.

– Я ее ищу, – заговорил он и сам услышал, как резко звучит голос. Чуть ли не со злобой. – Вы ее не знаете?

Она потупила глаза, пожала плечами.

– Не знаю такой. Если хочешь задержаться, бери что-нибудь поесть. Выбирай любое место.

– Ее зовут Лили.

Женщина шевельнула бровью. Дэвид ощутил, как прихлынула кровь к щекам.

– Вы не знаете, где мне ее искать?

– Не здесь? – предположила женщина.

Дэвид запихнул терминал в карман и вышел. Глупо он придумал. Обходить станцию, наугад расспрашивая людей? Глупо и стыдно, но это ради Лили, и потому он продолжал действовать по плану. Целый час его встречали непонимающие взгляды, пожатия плеч и нарастающее чувство, что всем, к кому он обращался, за него неловко. К тому времени, как вернулась «труба», Дэвид так ничего и не узнал. На пластиковой вагонной скамейке он оказался один. На мониторе появилась миловидная девица из видеообзора. Она чуть

не выкрикивала каждое слово: «Лучший сюжет Дики Адалая!» Дэвид оглядел полупустой вагон и сделал вывод, что обозрение выбрано для него. Это наводило на мысль, каким он видится рекламной целевой программе. Что ему нужно. Знали бы они!

Он вытащил ручной терминал. Опять запросил связь, и Лили опять не ответила. Он, приглушив звук, перезапустил запись. «Мне нужна помощь, да? И не говори Хатчу». А кому еще сказать?

Он провел вторую половину дня, наверстывая работу, и с ужасом видел, насколько отстал. Он прогонял числа, корреляции, сверял результаты с ожидаемой нормой с умением и небрежностью, выработанными долгой практикой. Но ему нужно было найти дополнительное время. Разобраться со всем, что уже получено. Если он слишком далеко отстанет, мистер Ок заметит, а тогда его ждет полная проверка, всплывут дополнительные работы, которые он делал для Хатча, и ему конец. Дэвид взвешивал возможность обратиться к Стефану, но мысли то и дело возвращались к Лили и непроницаемым лицам обитателей Иннис-Шэллоус. Кто-то там должен был знать, где она. И кто она.

Надо работать...

В первый час проверка и обработка данных требовали усилий, но понемногу он вошел в ритм. Вводил статистику, выводил корреляции, вписывал все это в большой график для последующего метаанализа и чувствовал, что мало-по-

малу расслабляется. С катализаторами он был как дома – больше, чем дома, и они, как ничто в его жизни, подчинялись его власти. Сосредоточившись на привычном деле, измученный Дэвид впал в подобие транса. Он перестал ощущать ход времени. Под конец он не знал, провел здесь минуты или часы. Готов был поверить и в то и в другое. И не додумался заглянуть в терминал, пока не вернулся домой.

Его ждали четыре новых сообщения, но не от Лили. Первое – с поправками к лабораторному расписанию, два с геймерского форума, на который он подписался, хотя почти не играл. А последнее от центрального управления занятости в Солтоне, в верхнем университете. Он щелкнул по нему, и голова стала легкой, как воздушный шарик.

Он вышел в большую комнату. Отец и мать сидели перед монитором, ровно на таком расстоянии, чтобы не соприкасаться бедрами. На экране серьезно разглагольствовал немолодой мужчина. «Марсианский проект – не просто самое масштабное предприятие в человеческой истории. Наш общий долг перед угрозой с Земли...»

– Что такое? – спросил отец.

Дэвид поднял ручной терминал, словно это все объясняло. И только увидев, что они не понимают, заговорил. Как издали слышал свой голос.

– Пришло распределение, – сказал он. – В разработчики.

Отец охнул, вскочил, чуть не опрокинув диванчик. Чувствуя, как отцовские руки обнимают его и подбрасывают под

потолок, видя, как мать роняет в ладони счастливые слезы, Дэвид только и смог подумать: «Я должен радоваться».

Все теперь переменялось – и осталось прежним. Он двигался к распределению последние пять секций – или, если взглянуть иначе, всю свою жизнь. Он знал, что будет, – все знали, – но все равно известие его ошеломило. Застало врасплох. Все, о чем не стоило думать, потому что это будет потом, – теперь надо было делать сейчас. Запрашивать место в общежитии верхнего университета, подгонять долгосрочные эксперименты, которые Дэвид вел под руководством мистера Ока, чтобы новый старший, занявший его место, завершил их, и собираться, покупать, что будет нужно в ближайшие месяцы, выезжать из своей комнаты, из дома, впервые в жизни расставаться с семьей. И то изводиться нетерпением – то бояться до дрожи.

Он видел, что с родителями происходит то же самое. Мать все плакала, улыбаясь сквозь слезы, а отец вздумал посидеть с ним, пока Дэвид заполнял бланки, и запросил отпуск, чтобы через месяцы поехать с сыном в Солтон и помочь обустроиться, и принес ему кофе с сэндвичем. Дэвид проделал все, что полагалось: добился оценок, заслужил внимание и положение, достойные высшего из возможных распределений, а в награду лишился еще толики свободы. Родители как будто вдруг осознали, что он здесь не навсегда, и окружили его любовью, как полицейским оцеплением, – от нее некуда было деться. Он не мог ни отправиться на поиски Лили, ни

даже вызвать ее по связи. И только тетя Бобби вела себя как раньше – она сохранила прежние странные и немного назойливые привычки: смотрела новости, таскала гантели.

Через три дня после письма Дэвид собрался в нижний университет поговорить о переводе с мистером Оком. Отец навязался с ним. Папа высоко держал голову и сиял так, будто это его ждало важное событие. Они вместе поднялись по лестнице в общий зал – у Дэвида голова совсем ушла в плечи. Здесь сосредоточился его мир – его друзья и враги, люди, которые знали его таким, как есть, – а папе здесь было не место. Стефан кивнул, но подходить не стал. Девочка, которая в прошлом году брала у него статистику попользоваться, хмуро взглянула на вышагивающего рядом с Дэвидом отца. Все понимали, что не стоило ему сюда приходить, и держались на расстоянии. Все здесь тоже вели двойную жизнь и не считали нужным смешивать одну с другой. Все понимали.

– Мистер Ок! – воскликнул отец, когда они зашли на островок с сидячими местами.

Куратор исследовательских работ вежливо улыбнулся, подошел.

– Мистер Драпер, – сказал мистер Ок, – это хорошо, что вы сопровождаете Дэвида.

– Просто чтобы все прошло гладко, – объяснил отец, приглаживая рукой воздух. – Отдел разработок – хорошее место, но трудное. Хотелось бы, чтобы Дэвида ничто не отвлекало.

– Конечно, – согласился мистер Ок.

Через плечо старика Дэвид заметил Хатча. Тот стоял с парой ребят младшего года, слушал девочку, объяснявшую что-то так горячо, что ее руки так и мелькали в воздухе. Лили с ними не было. Дэвид почувствовал, как разгоняется у него пульс. Это работа надпочечников. Мысли скачком переключились на лабораторную по физиологии. Надпочечники взаимодействуют с альфа-адренергическими рецепторами, снижают выработку инсулина, повышают расщепление сахаров и липидов. Стандартная реакция: дерись или беги. Хатч взглянул на Дэвида, вежливо кивнул. Дэвид подбородком указал на дверь туалета. Хатч чуть заметно помрачнел и мотнул головой – всего на несколько миллиметров, но не заметить было невозможно. Дэвид стиснул зубы и снова кивнул на туалет.

– Что с тобой? – спросил отец.

– Нужно выйти, – ответил Дэвид. – Сейчас вернусь.

Он оставил отца болтать с мистером Оком. Среди белого кафеля и видеозеркал мужского туалета он снова почувствовал себя в своем мире. Сбежал. Он встал перед писсуаром, сделал вид, будто мочится, и дождался, пока вымоет руки и выйдет зашедший перед ним студент. Вошел Хатч.

– Что хотел сказать, друг? – спросил он, но в голосе его Дэвид расслышал недовольство. – Вижу, ты сегодня с семьей. Хорошо, когда отец так заботится о сыне.

Дэвид застегнул ширинку и подступил к Хатчу. Сказал, понизив голос:

– Никак от него не отвязаться. Это ничего. Нам надо встретиться, – добавил он. – Поговорить. Не сейчас, но обязательно.

– Что за спешка? – отозвался Хатч. – Время неподходящее.

– Завтра вечером, – сказал Дэвид. – Где всегда.

– Не могу. Занят.

– Тогда сегодня, – прошипел Дэвид.

У Дэвида звякнул ручной терминал, и почти сразу загудел терминал Хатча. Местные новости настойчиво желали что-то сообщить. Дэвид не стал смотреть. Недовольство на лице Хатча перешло в гнев, а потом в настороженную улыбку. Он пожал плечами.

– Тогда увидимся вечером, Крошка.

Его кривая улыбка показалась Дэвиду опасной. Он кивнул и поспешил вернуться в зал. Он не станет докладывать Хатчу ни про сообщение, ни про то, что Лили попала в беду. Просто скажет, что хочет ее разыскать. Скажет, что это по поводу распределения, чтобы увести мысли Хатча в сторону. Отвлечь внимание.

Возвращаясь к отцу и мистеру Оку, он собрался, приказал себе держаться как ни в чем не бывало и только тогда заметил, как тихо в зале. Все склонились над своими терминалами – кто бледный как смерть, кто покраснев. Даже отец и мистер Ок. Новости принудительно включились и в общем коридоре. Мутный от дыма воздух. Полицейский, упершись

одной рукой в колено, склоняется над чем-то. Бегущая строка: «ВЗРЫВ В СОЛТОНЕ».

– Что случилось? – спросил он.

– Протестующие, – ответил отец с поразившей Дэвида яростью. – Антиземная демонстрация.

У Дэвида снова загудел терминал. Бегущая строка переменилась.

«ВЗРЫВ В СОЛТОНЕ, ПОДТВЕРДИЛИСЬ СВЕДЕНИЯ О ЧЕТЫРЕХ ПОГИБШИХ».

Тетя Бобби, когда они вернулись домой, сидела, поджав губы, в общей комнате и тяжелую черную гантелю не поднимала, а просто сжимала в руке, как ребенок любимую игрушку. Монитор был настроен на новости, звук приглушен. По четырем углам монитора показывали в прямом эфире разрушения в Солтоне, но тетя на них не смотрела. Мать Дэвида сидела за столом, прокручивала вкладки на ручном терминале.

Когда вошли Дэвид с отцом, родители переглянулись с особой многозначительностью. Смысла их взглядов Дэвид не понял. Отец похлопал его по плечу – попрощался – и шагнул к загородке.

– Привет, сестричка.

– Привет, – сказала тетя Бобби.

– Из безопасности с тобой связались?

– Пока нет, – ответила она. – Если понадобится, они зна-

ют, где меня искать.

Дэвид хмуро обернулся к матери. Он не представлял, зачем безопасникам может понадобиться тетя Бобби. Попробовал высмотреть в этом угрозу себе, к примеру, что им нужна от нее информация о товаре, который он стряпал для Хатча, но в это совсем не верилось. Должно быть, что-то связанное со взрывом, хотя и в этом не виделось большого смысла. Мать только повела бровью и спросила, как прошла встреча с мистером Оком. За Дэвида ответил отец, и неприятное напряжение, окружавшее тетю, отошло на задний план.

Завтра вечером, сказала Дэвиду мать, решено устроить семейный праздник. Папин-пап с кузенами приедут из Атерпола, а дядя Истван с новой женой добираются от Дханбад-Нова. Они сняли кабинку в лучшем ресторане Брич-Кэнди. Дэвид молча возблагодарил мироздание, что о встрече с Хатчем договорился на сегодня. Ускользнуть украдкой с собственного праздника он бы не сумел.

После ужина Дэвид пробормотал что-то про школьных друзей и вечеринку, пообещал не соваться в Солтон и юркнул за дверь, не дав никому полюбопытствовать, куда он направляется. По пути к станции «трубы» на него снизошел покой. Почти умиротворенность. Всю дорогу до Мартинестауна Дэвид словно парил в воздухе. Лабораторные закончены, а те, что не закончены, перешли к другим, а все прочее – Лили, Хатч, протестующие, взрывы, семейное собрание и перспектива отъезда из дома – не висело над ним, как

меч над головой. Да, работа в Солтоне будет в тысячу раз тяжелее нижнего университета. Но это когда еще. А пока он поставил на терминале мотивчики бебапапу и расслабился. Пусть только на время пути до Мартинестауна, но ему было спокойно, как никогда в жизни.

Хатч его уже ждал. Строительный фонарь горел резким белым светом, батарейка почти неслышно шипела. Тени как будто съели глаза Хатча.

– Малыш, – обратился он к вошедшему Дэвиду, – не ожидал от тебя. Рискованное дело – заговаривать со мной при родичах и властях. Ты здорово дергался. Такие вещи люди замечают.

– Извини. – Дэвид, цепляясь штанинами за шершавый пластик, сел на ящик и одернул обшлага брюк. – Мне нужно было с тобой поговорить.

– Всегда к твоим услугам, друг мой, – сказал Хатч. – Ты же знаешь. Ты у меня номер первый. Твои проблемы – мои проблемы.

Дэвид кивнул, рассеянно ковыряя кожицу в лунках ногтей. Когда дошло дело, заговорить о Лили оказалось неожиданно трудно.

– Меня распределили в разработки.

– Уже знаю. Самое место для умников. Разыграй свои карты как надо, и будешь кататься на планете как в собственном каре, – сказал Хатч. – Но мы не за тем пришли. Так?

– Да, я... я хотел связаться с Лили. Думал, может, она за-

хочет отметить со мной это дело. Но у меня не в порядке терминал, а в памяти я сведений не сохранил и подумал, раз ты... — Дэвид сглотнул, пытаясь избавиться от кома в горле. — Раз ты лучше всех ее знаешь...

Его взгляд случайно упал на лицо Хатча. Тот словно окаменел, замкнулся в себе и в молчании. Лучше бы он скалил зубы.

— Она обратилась к тебе. — Дэвид обещал не говорить Хатчу о сообщении Лили и действительно не сказал, но молчание его выдавало. Хатч глубоко вздохнул и провел рукой по волосам. — Ты за Лили не волнуйся. О Лили позабочусь я.

— Мне показалось, она попала в беду.

— Ладно, Крошка. Ты не в курсе, так я тебе помогу. Хозяин Лили — я. Она моя. Моя собственность, понял? А она наделала дел, связалась не с той компанией. Вляпалась в политику. Такие, как мы, этим не занимаются. Земля, Марс, АВП — это все дерьмо для добрых граждан. К таким, как мы, оно только внимание привлекает.

— Вид у нее был испуганный, — продолжал Дэвид. Услышал свой плачущий голос и обругал себя, что не сумел сдержаться. Скулит как младенец. — Она сказала, ей нужны деньги.

Хатч рассмеялся.

— Не вздумай давать сучке денег.

— Собственность, — повторил Дэвид. — Она хотела... хотела выкупить себя. Так?

Лицо Хатча смягчилось, стало почти сочувственным. Может быть, жалостливым. Наклонившись, он положил ладонь на колено Дэвиду.

– Лили – отравка с милым ротиком, малыш. Я правду говорю. Она сделала большую-большую глупость и теперь расплачивается за ошибку. Только и всего. Я знаю, сколько у тебя денег, ты ведь их от меня получил. Не хватит, чтобы выплатить ее долги.

– Может, я мог бы...

– У тебя и на половину не наберется. Хорошо если на четверть. Ты ничем не сумеешь помочь девочке. У тебя на нее встает – и ладушки. Только не принимай это за что-то большее. Ты меня понимаешь?

Унижение тошно сжало ему сердце. Дэвид опустил глаза, запрещая себе плакать. Он ненавидел себя за такую реакцию. Он злился на нее, и на себя, и на Хатча, и на родителей, и на весь мир. Его обжигал стыд, ярость, бессилие. Хатч встал, и его тень выплеснулась на пол и стену, как использованная смазка от двигателя.

– Нам пока лучше не общаться, – сказал Хатч. – Тебе и так хватает забот. Про товар пока не думай. Все уладим, когда ты обоснуешься в Солтоне. Тогда можно будет поставить выпуск на поток, а? Узнаешь, что такое настоящие деньги.

– Хорошо, – кивнул Дэвид.

Хатч со вздохом вытащил ручной терминал. Выстукивая по клавиатуре, продолжал:

– Я тебе подкину кое-что на счет, договорились? Считай, премия. Купишь себе что-нибудь для удовольствия, так?

– Так.

А потом Хатч исчез, ушел в Мартинестаун, к станции «трубы», в мир. Дэвид остался сидеть, как недавно сидел здесь с Лили. Ощущение покоя испарилось. Руки сжимались в кулаки, а бить было некого. Он чувствовал себя выпотрошенным. Пустым. Переждав положенные десять минут, он отправил себя домой.

На следующий вечер состоялся праздник. Его праздник. Папин-пап кривовато улыбался после удара и похудел с того раза, как Дэвид его видел, но был по-прежнему бодр и громогласен. Тетя Бобби заняла место рядом с ним, а по другую руку устроился отец Дэвида, словно папин-папу нужна была их поддержка, чтобы сидеть прямо. Негромкий стук столового серебра о тарелки и веселый шум разговоров состязался с просочившейся в их зал музыкой трио, игравшего на возвышении у входной двери. Зеленые с золотом скатерти накрывали сразу три столика, как бы объединяя их. Подавали курицу в черном соусе с рисом и овощным салатом – Дэвид два раза брал добавку, но так и не ощутил вкуса. Отец потрапился на открытый бар, и новая жена дяди Иствана, уже основательно опьянев, подбивала клинья к одному из старших кузенов. Мать Дэвида расхаживала позади сидящих, трогала за плечи, иногда ненадолго вступала в беседу – словно налаживала совещание в офисе. Дэвиду страшно хотелось ку-

да-нибудь свалить.

– Знаете, в старину, – говорил папин-пап, жестикулируя рюмкой виски, – люди строили соборы. Огромные церкви вздымались ввысь во славу Господа. Много-много больше, чем можно ожидать от каменотесов и плотников с простенькими стальными орудиями. С самыми простыми инструментами.

– Про соборы мы уже слышали, – отозвалась тетя Бобби. Она тоже пила, только Дэвид не знал что. По закону Дэвиду еще год не полагалось спиртного, но в руке у него была кружка с пивом. Вкуса он не разбирал, но все равно пил.

– Тут важно время, понимаете? – продолжал папин-пап. – Время с большой буквы. Каждый собор возводили поколениями. Человек, начертивший план, не мог увидеть его воплощения. Он умирал задолго до окончания строительства. Готовую работу могли увидеть его внуки или правнуки, а то и прапраправнуки.

На дальнем конце стола расплакался маленький кузен, и мать Дэвида, склонившись к нему, взяла ревущего малыша за руку и отвела к его матери. Дэвид поперхнулся глотком пива. На следующий год он будет в Солтоне, слишком занятым для таких посиделок.

– В этом есть своя красота, – торжественно заявил папин-пап. – Такой масштабный проект, такой амбициозный. Тот, кто клал последний камень, мог обратиться мыслями к своему отцу, клавшему камни в нижнем ряду, и к деду, за-

ложившему фундамент. Свое место в великом замысле – вот что прекрасно. Участвовать в деле, которое не ты начал и не увидишь законченным. Это было прекрасно.

– Папа, я тебя люблю, – сказала тетя Бобби, – но это чушь собачья.

Дэвид моргнул. Перевел взгляд с деда на отца и обратно. Мужчины заметно смутились. Как если бы она пукнула. А тетя Бобби сделала еще глоток из своего бокала.

– Бобби, – предостерег отец Дэвида, – ты бы полегче с этим делом.

– Я в порядке. Просто я с детских лет слышала про эти соборы, а это чушь собачья. Seriously, кто решает, чем будут заниматься следующие четыре поколения? Они ведь не спрашивали, сколько правнуков захотят стать каменотесами. А вдруг кто-то из них захотел бы стать... музыкантом. Или, черт возьми, архитектором и построить что-то свое? Решать, что всем делать... кем быть. Не много они на себя берут?

– Мы, кажется, уже не про соборы говорим, сестричка?

– Ну да, это же просто довольно невнятная метафора, – признала тетя Бобби. – Я говорю, что план может быть великим, пока ты в нем участвуешь. А взгляни со стороны, и что тогда?

В ее голосе звучала необъяснимая для Дэвида боль, и отражение той же боли он видел в глазах деда. Старик накрыл руку тети Бобби своей, а она ухватила за нее, как девочка, которую ведут в ванную перед сном. А вот отец Дэвида на-

дулся.

– Ты не очень-то ее слушай, папин-пап. Она весь день говорила с безопасниками и еще не остыла.

– А должна остыть? Каждый раз, как что-то стряслось, давайте снова обратимся к Драперу.

– Этого следовало ожидать, Роберта, – сказал ее отец. Он звал дочь Робертой, только когда сердился. – Это результат твоего выбора.

– И что же я выбрала? – огрызнулась она, повысив голос. Разговор кузенов заглох, теперь все смотрели на них.

Отец Дэвида рассмеялся.

– Ты не работаешь. Как там это называется? Бессрочный административный отпуск?

– Отпуск для психологической разгрузки, – поправила тебя Бобби. – Ты это к чему?

– К тому, что как же им не обращаться к тебе, когда происходит что-то странное. Нельзя винить их за подозрительность. Земляне нас чуть не убили. Всех, кто здесь есть, и за этими стенами, и в коридорах. А ты на них работала.

– Не на них! – Она не кричала – для крика голосу не доставало визгливой грубости. Но прозвучало это громко и подействовало как удар кулака. – Я работала с фракцией, пытавшейся предотвратить войну. И предотвратившей. Все, кто здесь есть, живы благодаря людям, которым я помогала. Но я работала с ними, а не на них.

В комнате стало тихо, но отец Дэвида увлекся ссорой и

ничего не заметил. Он закатил глаза.

– Да что ты? А кто платил тебе жалованье? Земляне. Люди, которые нас ненавидят.

– Они не ненавидят, – устало проговорила Бобби. – Они нас боятся.

– Тогда почему действуют так, будто ненавидят? – Кажется, отец Дэвида торжествовал победу.

– Потому что так выглядит страх, ищущий себе выхода.

Мать Дэвида словно по волшебству возникла за спинами этих троих. Вот ее не было, а вот она здесь и придерживает мужа за плечо. И непробиваемо улыбается.

– Мы здесь сегодня ради Дэвида, – сказала она.

– Да. – Папин-пап погладил тетю Бобби по руке, утешая. – Ради Дэвида.

Его отец обиженно нахмурился, но тетя Бобби кивнула.

– Ты права, – отозвалась она. – Извини меня, Дэвид. Виновата. Действительно, у меня был трудный день, и выпила я, пожалуй, лишнего.

– Все хорошо, ангел, – сказал папин-пап. Его глаза блестели от слез.

– Я просто думала, что к этому времени уже начну понимать, что... кем я была. И что буду делать дальше, и...

– Понимаю, ангел. Мы все знаем, через что тебе пришлось пройти.

Она засмеялась, вытерла глаза кулаком.

– Все, значит, знают, кроме меня.

Остаток вечера прошел как полагается. Люди смеялись, спорили, пили. Отец попробовал призвать всех к молчанию и выступить с речью о том, как он горд, но маленькие кузены шептались и продолжали стучать по своим терминалам. Несколько человек преподнесли Дэвиду скромные денежные подарки, чтобы помочь устроиться в солтонском общежитии. Новая жена дяди Иствана вlepипла Дэвиду неприятно липучий поцелуй, потом взяла себя в руки и ушла с мужем. Чтобы добраться домой, наняли машину – для родителей, Дэвида и тети Бобби. Он все не мог избавиться от воспоминания, как она расплакалась за столом. «А если взглянуть со стороны, что тогда?»

Колеса липко шуршали по настилу коридоров, освещение по всему Брич-Кэнди уже приглушили в подражание сумеркам, которых Дэвид никогда не видел. Где-то солнце уходило за горизонт, темнело голубое небо. Он это знал по картинам и видео. Но в его жизни просто светодиодные лампы сменяли цвет и светимость. Дэвид прислонился лбом к подпорке, так что вибрация двигателя и колес передавалась ему прямо в череп. Так было уютнее. Мать, сидевшая рядом, пожала ему плечо, и он телом вспомнил, как возвращался с вечеринки совсем маленьким. Лет в шесть, может, в семь. Он тогда пристроился спать ей на колени, чувствуя щекой ткань брюк. Такого больше не будет. И женщина, сидевшая рядом, почти не напоминала ту, а через несколько месяцев он и с этой перестанет видаться. Не так, как сейчас. А что бы она сделала,

если бы знала про Хатча? Про Лили? Мать улыбнулась ему, и в улыбке была любовь, но любовь к другому мальчику. К тому, кем она его считала. Он улыбнулся в ответ, потому что так полагалось.

Дома он сразу ушел к себе в комнату. Хватило ему людей вокруг. Стена еще работала, и он снова переключил изображение на Уну Мейнг. На него взглянули тяжелые темные глаза из-под густо накрашенных ресниц. Дэвид упал на кровать. За стеной разговаривали отец и тетя Бобби. Он вслушался, не гудят ли в голосах сердитые нотки, но их не было. Просто разговаривают. Заныла водопроводная труба. Мать принимала ванну на ночь. Все было маленькое, домашнее, безопасное и где-то не здесь. Лили отрабатывала долги. Она просила его о помощи, а он не помог. И Хатч... Наверное, он всегда боялся Хатча. Наверное, потому и решил, что стряпать для него нормально. И даже разумно. Хатч был из тех опасностей, которые способны превращать людей в свою собственность. Забрать себе, сделать так, чтобы они исчезли. Жить в этом мире было интересно. Волнующе. Как посмотреть со стороны на себя – хорошего ученика, хорошего сына с хорошими перспективами. Ну и что, если теперь ему страшно. Ну и что, если Лили, скорее всего, сдали внаем кому-то, у кого есть деньги, и Дэвид ее больше не увидит. Он сделал выбор, а вот и последствия.

Уна Мейнг не сводила с него душевного, эротичного взгляда. Дэвид выключил свет, схватил подушку и накрыл

голову. В разваливающемся перед сном сознании снова и снова возникала Лили. Ее лицо. Ее голос. И как мягко, почти нежно Хатч произнес: «Я хозяин Лили» и «У тебя не хватит заплатить ее долги». Лучше бы хватило. Он оказался в безрадостной, как тюремная камера, комнате, порожденной полусонным воображением. Лили отпрянула от света, а потом разглядела, кто пришел, и просияла. «Дэвид, – сказала она, – как ты смог? Как ты сумел меня спасти?»

Резко, как электрический разряд, пришел ответ.

Дэвид сел и зажег свет. Хитровато-печальная улыбка Уны Мейнг показалась ему более понимающей, чем раньше. «Долго же ты соображал!» Он посмотрел время – основательно за полночь. Это ничего. Откладывать нельзя. Он несколько секунд вслушивался. За дверью никаких голосов, кроме профессионально-отчетливой речи ведущего новостей. Дэвид вытащил из сумки ручной терминал, поставил на край кровати и ввел запрос на связь. Он не ждал ответа, но на экране почти сразу появилось лицо Стефана.

– Большой Дэйв! Привет, – сказал он. – Слышал, куда ты попал. Хорошее начало, кузен.

– Спасибо, – понизив голос, ответил Дэвид. – Но, слушай, мне нужна помощь.

– Я готов, – сказал Стефан.

– У тебя много часов в лаборатории?

– Больше, чем на сон, – грустно сказал Стефан. – Но ты уже получил место. Тебе лабораторные часы теперь ни к че-

му.

– Да вот, понадобились. И лишние руки не помешают.

– О скольких часах речь?

– Десять, – сказал Дэвид. – Может, чуть дольше. Но часть может подождать, так что тебе и на свое останется. А я помогу тебе с работой, если ты поможешь с моей.

Стефан пожал плечами.

– Ладно. У меня завтра время начинается с восьми. Знаешь, где мое место?

– Знаю, – сказал Дэвид.

– Там и встретимся, – заключил Стефан и прервал связь.

Так, это первое. Мысли Дэвида уже неслись дальше. Трип-тамина для основы у него достаточно, а с катализаторами всегда было просто. Чего не хватает, это борогидрита натрия или амопроксана в нужных объемах. Закрыв глаза, он мысленно перебрал содержимое своего секретного шкафчика, припомнил каждый реактив и во что его можно изящно преобразить. Двойные связи углерода разрубались, образовывались кетоны, неактивные изомеры принудительно меняли конфигурацию. Медленно и постепенно выстраивался четкий план биохимической реакции. Дэвид открыл глаза, поспешно ввел схему и составил список необходимого. Закончив, переключил ручной терминал на сайт поставщика и заказал срочную доставку на лабораторию Стефана. Цены обещали подчистить его секретный счет, но это его не смущало. Дэвид никогда не волновался о деньгах.

К тому времени, как терминал включил будильник, он успел два часа вздремнуть. Переоделся в чистое, нырнул в ванную пригладить волосы и побриться. Мысли опережали его на три шага. Ручной терминал загудел: пришло чрезвычайное сообщение, и Дэвид не сразу отважился взглянуть, но в кои-то веки новость оказалась хорошей. Восемь человек арестованы в связи со сбросом давления в системе «трубы», идет активный допрос по взрыву в Солтоне. Чистя зубы, Дэвид смотрел репортаж. Когда замелькали полицейские снимки, он на миг заволновался: а если Лили среди них? Вдруг слова Хатча, что она ввязалась в политику, это и означали? Но знакомых лиц не оказалось. Все были молодые, не старше восемнадцати, хотя сильно потертые. У двоих подбиты глаза, одна девушка плакала. Или ее обработали слезоточивым газом. Дэвид не стал о них думать.

– Ты куда собрался? – спросила мать, когда он, склонив голову и ссутулившись, проходил к двери.

– Другу надо помочь. – Он хотел солгать, будто Стефану нужна помощь в лаборатории, но на полпути к нижнему университету заметил, что, не уточняя, нечаянно сказал правду. От этого ему сделалось не по себе.

В тот день они основательно сварились. Двоим было тесно в рабочем пространстве, к тому же Стефан с недосыпа не стал принимать душ. День, окутанный недотянутыми вытяжкой химическими парами, запахом двух подростков, жаром горелок и постоянной почти интимной близостью Сте-

фана, еле полз. Но полз с толком. Стефан не стал спрашивать, что за опыт затеял Дэвид, а Дэвид в спокойные минуты прогонял результаты Стефана и даже выловил просчет в статистических прогнозах, после исправления которого окончательные результаты стали выглядеть красивее. За полдень, когда они выбились из сил, Дэвид отмерил малую дозу амфетамина и разделил ее на двоих. На вызов матери он не ответил, отбилсь сообщением, что домой придет поздно и пусть ужинают без него. Мать вместо обычных завуалированных упреков написала в ответ, что надеется: это не войдет у него в привычку. От ее записки он загрустил, но тут сработал таймер, подошло время охлаждать партию и добавлять катализаторы, и дело заняло его внимание целиком. Работать было настоящим удовольствием – он много лет не чувствовал себя так хорошо. Он знал каждую реакцию, каждую разорванную его стараниями связь, каждую конфигурацию молекулы. Он видел тончайшие изменения в текстуре молочно-белой взвеси и знал, что они означают. Вот так, подумалось ему, и ощущается власть.

Когда закончили последнюю серию, порошок развесили в розоватые гелевые капсулы и сплавил их в облитые сахарной глазурью таблеточки. Сумка у Дэвида раздулась от них, как мяч. Он прикинул, что отцовский пенсионный счет примерно равен тому, что у него сейчас на плече. Возвращался домой он в приглушенном свете коридорных фонарей. В покрасневшие глаза словно песку насыпали, зато шаги его бы-

ли легки.

Тетя Бобби, как всегда, расположилась в общей комнате – делала глубокие растяжки и смотрела на монитор. В камеру серьезно говорила что-то молодая женщина с лицом цвета кофе со сливками и бледными губами. Красная полоса вокруг ее изображения на четырех языках возвещала: «Чрезвычайное положение». Дэвид задержался. Тетя Бобби, не прекращая упражнения, взглянула на него, и тогда он кивнул на экран.

– Нашли закладку для нового взрыва, – пояснила тетя.

– О-о, – протянул Дэвид. Это, пожалуй, было даже к лучшему. Пусть безопасники занимаются политикой. Меньше глаз будет нацелено на него.

– Твоя мать уже спит.

– А папа где?

– В Наримане. Срочная работа.

– Ладно, – сказал Дэвид и отправился к себе.

Тетя Бобби не заметила, как раздулась его сумка, – а если заметила, то не сказала. Благополучно закрыв за собой дверь, он посмотрел время. Поздно, но не слишком, а принятый днем амфетамин вместе с волнением и беспокойством все равно не дал бы отдохнуть. Теперь, получив товар, он хотел одного: скорей от него избавиться. Сплавить подальше, чтобы никто не наткнулся, и покончить с этим. Он вытащил ручной терминал и запросил связь с Хатчем по номеру, который тот оставил только на крайний случай. И стал ждать.

Потянулись секунды. Когда прошла минута, паника стянула Дэвиду нутро в тугой узел.

Экран дернулся, и на нем появился хмурый Хатч. Голый выше пояса, светлые волосы всклокочены. Даже по связи видно было, какое жесткое у него лицо.

– Да? – спросил Хатч. Не слишком дружеское приветствие. Если бы через плечо Дэвиду подглядывали безопасности, они не поняли бы, знакомы ли Хатч с Дэвидом.

– Надо встретиться, – сказал Дэвид. – Сегодня же. По важному делу.

Хатч помолчал. Облизал нижнюю губу сухим языком и качнул лохматой головой. Сердце у Дэвида молоточком стучало о ребра.

– Не понял, кузен, – сказал Хатч.

– Нас никто не слушает. Я не попался. Но поговорить надо. Этой же ночью. И обязательно приведи Лили.

– Ты не против повторить?

– Через час. Где всегда. Приведи Лили обязательно.

– Эй, мне мерещится или ты мне указываешь, что делать, Крошка? – звенящим от злости голосом проговорил Хатч. – Я намерен поверить, что ты спалил этот номер, потому что пьян был или еще в каком дерьме. Потому что я охрененно добрый. Я сделаю вид, будто ты не забывал свое место, так? Так что ступай в постель и проспись.

– Я трезвый, – сказал Дэвид. – Но мне надо сегодня. Прямо сейчас.

– Ничего подобного, – бросил Хатч и наклонился, чтобы разорвать связь.

– Я позвоню в безопасность, – произнес Дэвид. – Если нет, я позвоню в безопасность. И все им расскажу.

Хатч замер. Сел прямо. Сложил ладонь к ладони, касаясь указательными пальцами губ, словно молился. Дэвид сжал кулаки, разжал, снова сжал и разжал. По шее и загривку ползали неприятные мурашки. Хатч глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

– Ладно, – сказал он. – Приезжай. Через час.

– И Лили.

– Я расслышал с первого раза, – холодным и серым, как сланец, голосом процедил Хатч. – Но, учую ловушку, твоя подруженька умрет первой. Савви?

– Тебе незачем ее обижать. Это не подстава. Это бизнес.

– Если тебе верить, – сказал Хатч и оборвал связь.

У Дэвида дрожали руки. Не надо было ему угрожать службой безопасности, но другого рычага не нашлось. Хатч просто не стал бы слушать. Он на месте все объяснит. Все будет хорошо. Дэвид запихнул терминал в карман, постоял немного, а потом сменил рисунок стены на кадр из «Богов риска». Двое мужчин лицом к лицу, и судьба всего на свете застыла в хрупком равновесии. Дэвид вздернул подбородок и взялся за сумку.

В общей комнате тетя Бобби бросила на него хмурый взгляд.

– Ты уходишь?

– К другу, – отмахнулся он и крепче прижал сумку к бедру. – Мне надо.

– Это здесь, а? В Брич-Кэнди?

Тревожные мурашки снова шевельнули ему волосы на загривке. В ее голосе не было ни укора, ни подозрительности. От этого делалось еще хуже.

– А что?

Тетя Бобби кивнула на экран, на серьезную дикторшу в красной рамке.

– Комендантский час, – объяснила она.

Дэвид как будто почувствовал, как это слово толкается в его сознание, норовя обозначить что-то, чего он не хотел знать.

– Какой еще комендантский час?

– Весь город на изоляции первого уровня. Несовершеннолетние без сопровождения не допускаются в систему «трубы» и служебные тоннели, запрещены собрания в публичных пространствах после семи вечера. И патрулирование удвоили. Если ты собрался в другой район, придется тебе послать свои извинения, – сказала она и почти сразу: – Дэвид? Ты здоров?

Он не помнил, как шел. Просто оказался на полу кухни, поджав ноги, как дзен-буддист какой. Кожа стала липкой от пота, а жарко ему совсем не было. Хатч придет на встречу, а его не будет. Он решит, что это подстава. А с ним будет

Лили, потому что Дэвид сам сказал ее взять. Настаивал. Даже угрожал. Он, ни о чем не думая, достал ручной терминал и вызвал Хатча. «Номер не существует». Он уже уничтожил этот контакт.

– Дэвид, что случилось?

Она склонялась над ним – воплощением заботы. Дэвид замахал руками, как будто тонул. Несовершеннолетних без сопровождения... Ему надо в Мартинестаун. Надо сейчас.

– Мне нужна помощь, – тонким, придушенным голосом выдавил он.

– Хорошо.

– Съезди со мной. Чтобы меня пустили в «трубу».

– Хм... хорошо, – сказала она. – Дай надену чистую рубашку.

Пятьсот метров до станции они прошли пешком. Дэвид держал руки в карманах, а сумку перекинул на другую сторону, чтобы тетя Бобби не заметила, как она набита. Чувствовал он себя омерзительно. Грудь сдавило, и хотелось помочиться, хоть и не надо было. На станции «трубы» рыжий безопасник в защитной броне и с автоматической винтовкой остановил их. Сумка с наркотиком пригнула Дэвида к земле. Если попросят показать, что в сумке, это пожизненное. Лили убьют. Он потеряет работу в Солтоне.

– Имя и место назначения, пожалуйста.

– Сержант артиллерии Роберта Драпер. Флот МРК, – ответила ему тетя Бобби. – Со мной племянник Дэвид. Он по-

лучил распределение, а я провожаю его на вечеринку.

– Сержант? – переспросил безопасник. – Десант, а?

По ее лицу прошла тень, но ее стерла улыбка.

– Да, сэр.

Безопасник повернулся к Дэвиду. Смотрел он приветливо. У Дэвида во рту стоял вкус рвоты и страха.

– Праздновать собрался?

– Да. Сэр, – выговорил он. – Да, сэр.

– Ну, смотри, чтобы обошлось без невозмездимого ущерба, – хихикнул безопасник. – Проходите, сержант.

И они прошли мимо, на станцию. Белые светодиодки казались ярче обычного, колени у Дэвида с трудом выдерживали вес тела. Когда он вернулся от киоска с билетами до Мартинестауна, тетя Бобби критически осмотрела его, но промолчала. Пятнадцать минут до Атерпола, там пересадка и двадцать до Мартинестауна. Пассажиры в вагоне были потертые, в обтрепаннейшей по краям одежде. Напротив, не обращая внимания на орущего у него на коленях младенца, сидел измученный до желтизны в глазах старик. Необъятно разжиревшая женщина в конце вагона громко бранилась в ручной терминал, кто-то на том конце линии отвечал ей тем же. Пахло телами и старыми воздушными фильтрами. Лицо тети Бобби с каждым километром становилось холоднее и недоверчивей. Дэвид рад был бы рассердиться на нее: за то, что не одобряет его друзей из Мартинестауна, что заранее настроена против этого района только потому, что он старый и

заселен рабочим классом. Но он понимал, что она права.

На станции Мартинестаун Дэвид повернулся к ней, протянул руку ладонью наружу.

– Ну, вот, спасибо, – сказал он. – Теперь ты подожди здесь, а я сейчас вернусь.

– Что происходит, мальчик? – спросила тетя Бобби.

– Ничего. Ты не волнуйся. Просто подожди меня здесь, а я сейчас вернусь.

Тетя Бобби скрестила руки на груди. Лицо у нее стало совсем холодным. Дэвид вдруг разозлился. Некогда ему было ее успокаивать.

– Просто жди, – резко бросил он, развернулся на каблуках и ушел быстрым шагом. Спустя несколько секунд рискнул обернуться через плечо. Тетя Бобби не двинулась с места. Застыла каменной статуей со скрещенными руками и неодобрительной гримасой на лице. Белый свет станционных ламп превратил ее в черный силуэт. Дэвид свернул за угол и потерял ее из виду. Сумка ударила его по бедру, и он бросился бегом. Через каких-нибудь пятьдесят метров стал задыхаться, но постарался не сбавлять скорости. Он спешил. Хатч, может быть, уже ждал.

Оказалось, что да, ждал.

Ящики переставили. Распихали вплотную к стенам, так чтобы никто не мог за ними укрыться или что-нибудь спрятать. За исключением только двух штабелей, телохранителями вставших справа и слева от Хатча. Словно массивные

подлокотники огромного трона. Хатч стоял в их тени, к его губе прилепилась тонкая черная сигарета. Желтая футболка висела на нем свободно, а мышцы рук, казалось, сами отбрасывали тени. Из-за вороненого пистолета в руке его шрамы смотрелись зловещей приметой.

Лили стояла на коленях перед ним, посреди комнаты, и обнимала себя за плечи. Волосы у нее обвисли, будто давно не мытые. Лицо бледное, только вокруг глаз кожа покраснела от слез. На ней была мужская рубашка не по росту и рабочие штаны, испачканные в чем-то темном и отстиранные добела. Когда Дэвид, кашлянув, шагнул в дверь, удивление на ее лице сменилось отчаянием. Дэвид чертовски пожалел, что не зашел в уборную.

– А, привет, Крошка, – сказал Хатч. Наигранная небрежность тона сама по себе звучала угрозой. – Ну что, у тебя ко мне было дело, так?

Дэвид кивнул. Ком в горле страшно мешал говорить.

– Я хочу ее выкупить, – произнес он. – Выкупить ее долг.

Хатч тихо рассмеялся и затянулся. Кончик сигареты ярко вспыхнул и погас.

– Точно помню, мы это уже обсуждали, – сказал Хатч, выпуская слова как дым. – У тебя столько нет.

– Четверть. Ты говорил, четверть.

Хатч сощурил глаза, склонил голову к плечу. Дэвид уронил сумку на пол и носком ботинка придвинул к Лили. Она протянула к ней тонкую руку.

– Тронешь – прикончу, – пригрозил Хатч. Лили отпрянула. – Не скажешь ли мне, как это надо понимать?

– Я сварил партию. Большую. Таких больших еще не делал, – сказал Дэвид. – В основном тут 3,4-метилендиоксидометиламфетамин. Я приготовил и немного 5-гидрокситриптофана, потому что для него не надо было ничего дополнительно заказывать, и 2,5-диметокси-4-бромифенетиламин. Его тоже немного. Все реактивы я сам добыл. И сам сделал всю работу. Это должно стоить больше чем в четыре раза против того, что у меня было, а тебе достается бесплатно. Вот что я предлагаю.

– Ты... – начал Хатч и замолчал, закусив губу. А когда снова заговорил, его голос звенел от ярости: – Ты наварил товара.

– Много. До черта.

– Ты. Тупой. Хрен, – отчеканил Хатч. – Ты хоть понимаешь, какую мороку мне навязываешь? Как я буду перевозить такую уйму дерьма? И кто его купит?

– Но тебе он достается даром.

Хатч ткнул стволом пистолета в сумку.

– Я завалю рынок товаром, обрушу цены. Не только у меня. У всех. Ты это понимаешь? У всех. Узнав, какая здесь дешевизна, к нам поедут аж из Дханбада. Все продавцы станут гадать, что это у меня на уме, и будет мне история.

– Ты мог бы подождать. Придержать товар.

– Да уж пришлось бы, так? Только, пока я так сижу на яй-

цах, кого-нибудь одолеет жадность. Решит, что пора со мной разобраться. И, ба-бах, я опять в истории. Как ни поверни, детка, ты меня подставил.

– Он не знал, Хатч, – сказала Лили. Так устало сказала.

Пистолет Хатча отрывисто рывкнул, ужасно громко в тесных стенах. Рядом с коленом Лили словно по волшебству появилась выбоина. Девушка расплакалась.

– Да уж, – сказал Хатч. – Думаю, ты больше не станешь меня перебивать. Дэвид, ты милый ребенок, но туп как чертова колода. Ты что мне принес? Проблемы!

– Я... извини. Я просто...

– И для их решения понадобится, – Хатч сделал затяжку и стал поднимать пистолет, пока Дэвид не заглянул в его черное дуло, – смягчить риски.

Воздух в комнате шевельнулся – за спиной открылась дверь. Дэвид оглянулся посмотреть, но что-то большое и быстрое мелькнуло неуловимо для глаз. Короткий звук яростной схватки. Дэвида с силой толкнули в спину. Он завалился носом, не успев выставить руки. Ударился лбом в покрытие каменного пола и задохнулся, решив, что получил пулю. Что убит. Но схватка завершилась воплем Хатча и грохотом ящиков. И треском лопнувшего пластика. Дэвид приподнялся на локтях. Носом шла кровь.

На месте прежнего бруствера Хатча стояла тетя Бобби. Она держала в руке пистолет и с профессиональным хладнокровием его рассматривала. Лили растянулась на полу голо-

вой к Дэвиду, словно хотела за ним укрыться. Хатч, уже без сигареты, зажимал левой рукой правую. Указательный палец правой руки – тот, что спускает курок, – торчал под невысланным углом.

– Ты что за хрень! – низко и свирепо взревел Хатч.

– Я канонир Драпер, – отозвалась тетя Бобби, выщелкивая магазин. Она выбросила патрон из ствола и поймала медную блестку в воздухе. – Так что нам надо поговорить.

Лили коснулась плеча Дэвида. Он шевельнулся, подтянул ее к себе. От нее плохо пахло – невымытым телом, дымом и еще чем-то незнакомым, – но ему было все равно. Тетя Бобби что-то нажала, и верхняя часть пистолета сдвинулась.

– О чем с тобой говорить, покойница? – огрызнулся Хатч. Прозвучало это не так круто, как он, наверное, надеялся.

Тетя Бобби сняла с пистолета верхнюю часть и отбросила в угол, в щель между ящиками и стеной. Она не поднимала глаз от оружия, но улыбалась.

– Мальчик ошибся, – сказала она, – но он отнесся к тебе с уважением. Он тебя не обокрал. Он не пытался сам выследить девочку. Он не пошел к безопасникам. Он даже не пытался сам сбыть товар и получить деньги.

Лили дрожала. Или дрожал Дэвид, а казалось, что она. Хатч хмурился, но в его глазах мелькнула какая-то мысль.

Тетя Бобби вытянула из пистолета длинную узкую металлическую деталь и выскочившую за ней черную пружинку и тоже побросала за ящики.

– Ты крутой, и дело у тебя крутое, и я это уважаю. Может, тебе приходилось убивать. Но ты деловой человек. Разумный. Способен увидеть картину целиком. – Она с улыбкой взглянула на Хатча и кинула ему рукоять пистолета. – Так что я вот что думаю. Бери сумку. Хоть продай, хоть закопай. Или брось в утилизатор. Она твоя, делай что хочешь.

– Она и так моя, – вмешался Хатч, но она его не слушала.

– Долги этой девочки оплачены, и Дэвид уходит. Выходит из игры. Ты его не заденешь, он тебя не заденет. И я тоже не задену.

Она бросила ему пустой ствол, и Хатч его поймал уцелевшей рукой. Припавшему к полу Дэвиду они оба казались нелюдски большими.

– Девчонка – пустое место, – заговорил Хатч. – Одни хлопоты, и заменить легко. А мальчик – другое дело. Хорошие повара на дороге не валяются.

Тетя Бобби принялась большим пальцем выщелкивать патроны из магазина, сбрасывая их на широкую сильную ладонь.

– В таком деле, как твое, незаменимых не бывает. Ручаюсь, у тебя таких уже четверо-пятеро в запасе. – Вынув последний, она убрала патроны в карман и протянула Хатчу пустой магазин. – А Дэвид от тебя уходит. Со всем уважением. Никакого риска для дела. Просто он свое отработал и ушел, никого не подставив. Вот мое предложение.

– А если отвечу – нет?

– Я тебя убью, – небрежно ответила тетя Бобби. – Мне бы не хотелось, но так будет, если откажешься.

– Так просто? – оскалился Хатч. – А вдруг это не так просто?

– Ты – крутой, а я – кошмар в обертке апокалипсиса. А Дэвид мой любимый племянник. Тронь его пальцем, и я прикончу тебя по кусочкам. – Улыбка Бобби стала грустной. – Со всем уважением.

Оскал Хатча мигом превратился в улыбку.

– Большие люди растут в ваших местах, – сказал он и поднял вверх разобранный на части пистолет. – Ты сломала мне пушку.

– Я заметила у тебя в левом кармане запасной магазин, – сказала она. – Дэвид, вставай, мы уходим.

Он вышел первым. Лили держалась за него и тихо плакала. Тетя Бобби двигалась в арьергарде, заставляя их идти быстро, но не переходя на бег, и часто оглядывалась. Когда подошли к станции «трубы», тетя Бобби тронула Дэвида за плечо.

– Тебя я проведу через пост, а ее не смогу.

Глаза у Лили были мягкими и влажными, лицо спокойное, безмятежное. Грязная, вонючая, она все равно была хороша. Выкупленная рабыня.

– Тебе есть куда пойти? – спросил Дэвид. – Есть в Мартиностауне место, где он тебя не найдет?

– Есть друзья, – сказала она. – Они помогут.

– Иди к ним, – посоветовала тетя Бобби. – Скройся с глаз.

Дэвид не хотел ее отпускать, не хотел разрывать связавшего их прикосновения руки к руке. Он видел, что Лили поняла. Она не столько бросилась, сколько перетекла к нему – мягкая, податливая, изменчивая как вода. На миг ее тело совсем слилось с его телом, их не разделяло ни миллиметра. Ее губы прижались к щеке, дыхание коснулось уха. Она на миг стала Уной Мейнг, а он Казом Пратьяри, и мир стал здоровым, сильным, романтичным. Она придвинулась еще ближе, и губы ее, мягкие и теплые, имели вкус обещания.

– Я тебя найду, – шепнула она, и вот миг прошел, и она уже уходила по коридору, чуть сбиваясь с шага, но высоко держа голову. Ему хотелось броситься следом, снова поцеловать, забрать с собой домой, уложить в свою кровать. Он чувствовал, как сердце бьется в горле. У него была эрекция.

– Идем, – сказала тетя Бобби. – Едем домой.

От Мартинестауна до Атерпола она молчала, просто сидела, опершись локтями о колени, двумя пальцами зажимая одну из пуль, а потом втирая ее в костяшки, словно фокус собралась показать. Дэвид, несмотря на вылившуюся в кровь химию облегчения, с ужасом ждал, что будет. Упреки, поучения, угрозы. Но тетя Бобби, когда до Брич-Кэнди оставалось всего пять минут, сказала совсем не то, чего он ждал:

– Та девочка. Знаешь, ты ее спас.

– Угу.

– Тебе это приятно. Ты поступил правильно, и это прият-

но.

– Угу, – сказал он.

– Это приятное чувство – самое большое, что она может тебе дать.

Дрожь «трубы» почти не ощущалась. Монитор, не сумев найти ничего общего для Дэвида и тетушки, перестроился на новости. Дэвид разглядывал свои ладони.

– Я ей не нравлюсь, – сказал он. – Она просто вела себя, как он ей велел. И потом, она знала, что у меня есть деньги.

– Знала, что у тебя есть деньги, и знала, что ты хороший парень, – поправила тетя Бобби. – Это другое.

Дэвид улыбнулся и с удивлением обнаружил, что улыбается искренне. Тетя Бобби откинулась назад, потянулась. Повернула голову, и шейные позвонки у нее щелкнули, как хлопушка.

– Я от вас съезжаю, – сказала она.

– Ясно, – отозвался Дэвид и вдруг поймал себя на сожалении. Слишком много потерь для одного дня, а ведь от этой он совсем не ждал боли. – Куда ты переезжаешь?

– Снова начинаю работать. – Тетя Бобби подкинула и поймала пулю, покрутила в пальцах. – Пора мне найти себе занятие. – Она подбородком кивнула на крутящий новости монитор. Речь шла о Земле, Марсе, о недовольных со взрывными устройствами. – Может, сумею помочь.

– Ясно, – повторил Дэвид. И добавил: – Я рад, что ты у нас пожила.

– Надо было вытащить тебя на скалы, – сказала она. – Тебе бы понравилось.

Дэвид видел Лили еще один раз. На втором году в разработке, примерно через три недели после восемнадцатого дня рождения. Он зашел в лапшичную с тремя ребятами из группы и куратором доктором Фучек. Стена показывала прямой репортаж с футбольного матча в долине Маринер, звук был приглушен и позволял вести разговор. А вот настольный экран – тот вел прямо к установкам верхнего университета, и молодые ученые за пивом и чаем, за черными керамическими мисочками лапши под соусом прогоняли на симуляторе последнюю модель.

Джереми Нг, сосед Дэвида по комнате и единственный в группе биохимик, покачал головой, тыча пальцем в сгенерированную лабораторным компьютером модель марсианской поверхности.

– Засаливание...

– Соль – не проблема, – не скрывая досады, возразил Дэвид. – Мы там ставим откачку натрия, забыл? За мембрану соль не пройдет.

– Джентльмены, – властно, хотя и с усмешкой в голосе, остановила их доктор Фучек, – вы это обсуждали семь месяцев по пятьдесят часов в неделю. Какой смысл начинать заново? Скоро у нас будет материальная модель.

Джереми начал отвечать, замялся, снова начал и замол-

чал. Сидевший рядом с ним спец по гидросистемам Кассио Эстинар ухмыльнулся.

– Если сработает в реале, вы, ребята, продвинете терраформирование с опережением на пару декад от графика. Сами знаете.

Доктор Фучек подняла руку, призывая к молчанию. Симуляция подходила к концу. Все затаили дыхание.

Дэвид не знал, что заставило его поднять взгляд. Может, почувствовал, что за ним наблюдают. Беспокойное чувство расползлось от спины к затылку. Лили стояла в глубине зала, у стойки, смотрела на него и не видела. Кожа у нее была в два раза старше ее возраста, прежний эльфийский подбородок выглядел просто маленьким. Она держала на руках ребенка месяцев шести на вид, еще не оформившегося настолько, чтобы определить пол. Просто какая-то женщина – однако он не сомневался. Его прошил колющий электрический разряд. На долю секунды он снова стал пятнадцатилетним – вот-вот исполнится шестнадцать – и пламенно-безрассудным. Он вспомнил ее поцелуй и, ничего не имея в виду, поднял руку помахать.

Она его узнала – округлились глаза, изменился наклон плеч. Лицо застыло в чем-то похожем на гнев. Страх, ищущий себе выхода. Сидевший рядом с ней мужчина тронул ее за плечо и что-то сказал. Она качнула головой, отвернулась. Мужчина хмуро обвел взглядом толпу. На миг встретился глазами с Дэвидом, но в его взгляде не было ничего похоже-

го на понимание. Дэвид отвернулся от нее в последний раз.

– Ну, вот, – сказал Кассио, когда стали поступать первые результаты.

Дэвид поставил локти на стол, словно обозначил ими промежуток допустимой ошибки. Он видел, как поднимаются брови доктора Фучек, как расплывается улыбка по лицу Джереми.

Наступило блаженство.

Маслобойка

Бартон был маленький, тощий и смуглый. Носил безупречные костюмы, черные кудри и бородку тщательно расчесывал. В том, что он работал на криминал, виноват был не его характер, а мир. Будь у него другие возможности, более престижное образование, попадись ему пара влиятельных соседей по комнате в общежитии, выбился бы в первые ряды транспланетных корпораций с офисами на Луне и Марсе, на станции Церера или на Ганимеде. А так в его подчинении оказались несколько кварталов на затопленных окраинах Балтимора. Дюжина лейтенантов, пара сотен уличных громил, наострившихся ломать чужие ноги, кучка варщиков наркоты, хакеры по части подделки личности, грязные копы и торговцы оружием. И с тысячу профессиональных жертв: нарики, шлюхи, вандалы, бездомные дети и прочие обездоленные взирали на него как на Луну – образ власти и богатства в недостижимых высотах. Явление природы.

Беда Бартона была в том, что он родился там, где родился, и тогда, когда родился: в городе шрамов и порока, в век, когда пограничная линия в сознании населения пролегла между государственным базовым пособием и профессией, дававшей собственные деньги. Для него путь от незарегистрированных родов до какой ни на есть власти и положения был победой – большой и невидимой. Для принадлежавших

ему мужчин и женщин его возвышение от самого дна было не обещанием, а доказательством небывалой силы, мифической, как полет чайки к луне. Сам Бартон никогда об этом не думал, но раз добился, чего добился, значит, мог. Кому не досталось его твердости, беспощадности и удачи, те заслужили все дерьмо, какое он им скармливал. И он не жалел выбившихся из ряда.

– М-м? И что? – спросил Бартон.

– Получил пулю, – ответил, глядя в стол, Оэстра. Обедавшие соседи по залу создавали белый шум, обеспечивая им подобие приватности.

– Получил. Пулю.

– Ага. Остин толковал, что деньги у него будут, дайте, мол, еще несколько дней. Тимми ему договорить не дал. Достал свой хренов обреза и... – Оэстра пальцами изобразил выстрел и без перехода пожал плечами – движение вышло сразу грозным и виноватым. Бартон, откинувшись назад,глянул на Эрика, словно спрашивая: «Не ты ли, песик, напрудил мне на ковер?»

Эрик привел Тимми, Эрик за него поручился, значит, он и в ответе, если что не так. А не так было очень многое. Эрик подался вперед, оперся на здоровый локоть, прикрывая страх натужной беззаботностью. Больная, левая рука у него была как у шестилетки, да еще с жуткими шрамами по суставам. Остались от полученных в детстве побоев. О них он Бартону не рассказывал и сейчас не стал вспоминать, хо-

тя, когда речь шла о его жизни, этот факт приходилось принимать в расчет. Как и Тимми.

– Причина у него была, – сказал Эрик.

– Вот как? – Бартон с напускным долготерпением поднял бровь. – Это какая же?

У Эрика свело живот. Больная рука сжалась в крошечный кулачок. Жесткий взгляд Бартона напомнил, что при всех его познаниях и искусстве не он один умеет подделывать личные досье. И файлы с ДНК тоже. Бартон найдет на его место других. Эрик заменим. Бартон это и хотел ему внушить.

– Не знаю, – заговорил он. – Но я с Тимми знаком целую вечность, вот. Он без причин ничего не делает.

– Ну-у, – растянув это слово на два слога, отозвался Бартон, – если целую вечность, тогда, конечно, все в порядке.

– Ну, понимаешь, если он что сделал, значит, знал зачем.

Оэстра принялся почесывать плечо, скрывая под хмурой миной облегчение, что Бартон переключился на Эрика.

– Я его в кладовой оставил.

Бартон встал, отодвинув стул сгибом коленей. Официантка старалась не смотреть в сторону троих мужчин, которые направились через зал к двери, помеченной табличкой «Служебная». Бартон вышел первым, за ним Оэстра, последним прохромал Эрик. Официантка стала прибирать стол, только когда они скрылись.

Склад даже пустой вызывал бы клаустрофобию, а устав-

ленный коробками делался еще теснее. Зеленые наклейки на бежевой биоразлагаемой упаковке сообщали о содержимом и предупреждали, если дешевые одноразовые датчики в пенопрокладках вынюхивали гниль или еще какую порчу. Стол на пятачке посередине был из прессованных опилок – клея больше, чем дерева. Тимми сидел за столом, так что светодиодка прямо над головой отбрасывала ему на глаза тень бровей. Парень едва прожил полтора десятка лет, но каштановые с рыжиной волосы уже отступали ото лба. Он был силен, высок ростом и как никто умел сохранять неподвижность. Когда трое вошли, он поднял взгляд, поровну разделив улыбку между другом детства, профессиональным громилой, чьих ожиданий не оправдал, и хорошо одетым мужчиной, который распоряжался всем, что было важно в его жизни.

– Привет, – сказал он всем сразу.

Эрик собирался подсесть к нему, увидел, что Оэстра с Бартоном остались стоять, и шагнул обратно. Тимми это заметил, но промолчал.

– Говорят, ты убил Остина, – начал Бартон.

– Угу. – Неизменная, ничего не значившая улыбка на губах Тимми не дрогнула.

Бартон отодвинул стул, сел напротив. Оэстра с Эриком старательно прятали взгляды друг от друга и от Бартона. Все смотрели на Тимми, а тот доверчиво ждал, что будет дальше.

– Не скажешь ли, зачем убил? – спросил Бартон.

– Ты велел, – ответил Тимми.

– Он был мне должен. Я велел получить с него сколько сумеете. Это была проверка, малыш. Тебя взяли в игру. И как это ты дошел от того, что я сказал, к тому, что ты сделал?

– Я получил что можно было, – ответил Тимми. Ни в голосе, ни в лице его Бартон не заметил страха и подумал, что имеет дело с недоумком. – Денег у него не было. Нечего взять. А то он бы тебе отдал. Он мог расплатиться, только научив других платить вовремя. Я этим с него и взял.

– Действительно?

– Ну!

– Ты уверен – убежден, – что Остин бы мне денег не вернул?

– Я даже гадать не хочу, с чего бы ему кто-то дал, – пояснил Тимми. – Если этот парень когда-нибудь и встречался с долларом, так тут же его вынюхивал, пропивал или вкалывал.

– Итак, ты все обдумал и пришел к выводу, что благоразумно и правильно будет превратить простой визит коллекторов в убийство?

Тимми чуть заметно повел подбородком.

– Чего тут долго думать? Вода мокрая. Небо наверху. С Остина мертвого проку больше, чем с живого. И так ясно.

Бартон молчал. Оэстра с Эриком на него не смотрели. Бартон потер ладони – шуршание кожи стало самым громким звуком в помещении. Тимми ждал, почесывая ляжку. В

нем не было ни терпения, ни нетерпения. Эрика затошнило от уверенности, что старый друг и защитник сейчас у него на глазах станет покойником. Недоразвитая рука у него разжимала и сжимала пальцы, он с трудом запрещал себе сглатывать слюну. А когда Бартон улыбнулся, это заметил один Тимми и если понял, то не показал вида.

– Ты бы подождал здесь, малыш, – сказал Бартон.

– Лады, – отозвался Тимми, когда Бартон уже направлялся к двери.

Снаружи, в кафе, накатила суета обеденного времени. Кабинки и столики заполнялись, прибывающий народ мялся в дверях, косо поглядывая на официанток, на тех, кто успел занять места, и на пустующий столик, оставленный для Бартона и тех, кого тот соблаговолит привести с собой. Едва он уселся, подлетела, вопросительно подняв брови, официантка – словно клиенты только что пришли. Бартон отмахнулся. Ему чем-то нравилось сидеть за пустым столом на глазах у голодных людей. Весь его вид говорил: «Я могу забрать у вас все – или все оставить. Мое дело – лишить вас выбора». Эрик с Оэстрой сидели рядом.

– Этот парень, – нарочно протянул слова Бартон, – это что-то с чем-то.

– Да уж, – согласился Оэстра.

– Если берется, делает как надо, – подтвердил Эрик, – а он еще только учится.

Минуту Бартон молчал. Кто-то от входной двери серди-

то тыкал в их сторону пальцем, чего-то добиваясь от официантки. Та схватила незнакомца за руку и заставила опустить. Рассерженный мужчина вышел вон. Бартон посмотрел ему вслед. Если сам не знает, так и нечего ему здесь делать.

– Эрик, не думаю, что твоему другу можно зачесть испытательный срок. Этого мало. Рано еще.

Эрик кивнул, давясь желанием заступиться за друга и страхом спугнуть зыбкую снисходительность Бартона.

Молчание нарушил Оэстра:

– Поручить ему что-то еще?

В его голосе звучало взвешенное с точностью до грамма недоверие.

– Не ошибиться бы, – отозвался Бартон. – Надо подумать, чем его занять. Говоришь, он за тобой, маленьким, присматривал?

– Было дело, – сказал Эрик.

– Ну, так пусть и продолжает. На следующее дело бери Тимми личным телохранителем. Заодно проследишь, чтобы он не попал в беду. Ты, надеюсь, справишься с этим лучше Оэ, а? – посмеиваясь, добавил Бартон.

Оэстра рассмеялся вслед за ним, хоть и не слишком весело. Эрик выдавил только болезненную улыбку облегчения.

– Я ему скажу, – пообещал он. – Я этим займусь.

– Будь добр, – улыбнулся Бартон.

Переждав секундную неловкость, Эрик встал и с неуклюжей благодарностью по-птичьи кивнул. Бартон с Оэстрой

смотрели, как он хромает обратно к складской двери. Оэстра вздохнул.

– Не понимаю, что ты возишься с этим убогим, – заметил лейтенант Бартона.

– Он не строевой, а документы хорошо стряпает, – ответил Бартон. – Мне нужен чистый человек, способный подчинить и мое имя.

– Я не про то, что он увечный. Я про другое. Право, с мальчишкой что-то неладно.

– По-моему, парень подает надежды.

– На что надежды?

– О том и речь, – сказал Бартон. – Ладно, давай договаривай. Что там еще?

Оэстра вздернул брови и подался вперед, опершись на локти. Ребятки, державшие на набережной игровые залы без лицензии, стали собирать меньше обычного. Один из борделей поразила вспышка устойчивого к антибиотикам сифилиса; у мальчишки из младших, пятилетнего, болезнь оказалась на глазах. Сосед Бартона с севера – земной филиал Локи Грейга – пострадал от наездов на фабрики наркоты. Бартон слушал, опустив веки. По отдельности все это мало значило, но в общей сложности превращалось в первые капли ливня. Оэстра это тоже понимал.

Ко времени, когда закончился обеденный час пик, кабинки и столики заполнились и опустели, повинувшись систоле и диастоле биения городского сердца, мысли Бартона пере-

ключились на множество других дел. Эрик с Тимми и смерть мелкого должника не забылись, но и не занимали особого места у него в голове. Он не зря был Бартоном: вещи, которые мелким личностям застилали горизонт, для него были лишь незначительными деталями. Он был – босс, человек широкого взгляда. Он, как сам Балтимор, выдержал не одну бурю.

Время не щадило этот город. По окраине тянулись руины затопленных зданий, спасти которые мешали запутанные права собственности, юрисдикция, законы и равнодушие, так что все они невозбранно достались морю. Движение за экологию города миновало пик десятков лет назад – когда развитие техники сделало реальностью мечту экологов о крупных самоподдерживающихся строениях. От мечты осталась семимильная двадцатипятиэтажная полимерная памятка разрушенных надежд, стеной протянувшаяся от городского диаметра до озера Монтебелло. По улицам раскинулась электрическая сеть, питающая и направляющая способный использовать ее транспорт. Воробьиный остров стоял в волнах, словно вдова, ждущая сгинувшего в море мужа, а Федерал-хилл хмурился на город через вонючее мелководье таким императором опустевшей земли. Жилое пространство по всему городу считалось роскошью. Разрастающиеся семьи ютились в ветшающих квартирках, рассчитанных на половину от их числа. Люди, не зная, куда девать-

ся из тесных комнат, проводили дни перед экранами терминалов, смотрели новости, драмы, порнуху, а питались текстурированным протеином с витаминизированным рисом – обычная диета базового пособия. Большинство если и ударялось в криминал, то вяло, без вдохновения: нелегально варили пиво, ребятишки воровали у соседей тряпье или портили им мебель, добывали металлолом из подземной инфраструктуры бывшего города. Балтимор был уменьшенной моделью Земли – мелкой, тесной и скучной. Горожане на жалком базовом застревали среди преград, выставленных классом, расой, случайностями, жестокой конкуренцией и скудностью ресурсов, и только самые упорные добивались профессии и живой валюты. Воля чикагской администрации просачивалась на улицы Балтимора медленно и трудно, а местные власти были хоть и слабее, зато ближе, так что точка равновесия между силами закона и беззакония приходилась чуть севернее Лэнсдауна.

Лидию время тоже не пощадило. Она принадлежала к зарегистрированным, но лишь очень малая и незначительная часть ее жизни попала в официальные досье. В них было ее имя – не Лидия, другое – и адрес, по которому она никогда не жила. А настоящим домом ей служили четыре комнаты на пятом этаже маленького экокупола над гаванью. Зарабатывала она, если по-настоящему, составляя инвентарные описи для одного из лейтенантов Бартона – Льева. Раньше она была его любовницей. Еще раньше – девкой в одной из его

конюшен. Еще раньше тоже кем-то была, да забыла. Наедине с собой – а она часто оставалась одна – Лидия не переставала уверять себя, что ей посчастливилось. Она вырвалась с базового, у нее, пока работала, были подруги и наставницы, а отслужив свое, она оказалась в высших слоях городского дна. Многим-многим и близко не выпало такого счастья. Да, она постарела. Да, волосы стали седыми. Морщинки в уголках глаз, и на тыльной стороне ладоней проступают старческие пятна. Но и они, говорила она себе, – свидетельство ее успеха. Сколько ее подруг до таких не дожили. Не дождались. Ее жизнь, как лоскутное одеяло, была сшита из любви и насилия, и часто лоскуты накладывались друг на друга.

И все-таки у нее на окнах шелковые портьеры теплых тонов, на запястьях и лодыжках бубенчики по нынешней молодежной моде. Жизнь какая ни есть, а хороша.

Вечернее солнце повисло над крышами на западе, предосенний зной сгустил воздух. Лидия в кухонном уголке грела миску замороженного хумуса, когда дверь, звякнув, открылась. Вошел Тимми, приветственно дернул подбородком. Она улыбнулась в ответ, шевельнула бровью. Он был один, как и всегда. Они никого не допускали до себя, когда бывали вместе. С той ночи, когда умерла его мать.

– Что, как прошло?

– Напортачил я вроде как, – сказал Тимми.

У Лидии сжалось сердце, но голос остался спокойным и легким:

– Как так?

– Бартон мне велел получить с парня, что можно. Теперь-то я вроде как понимаю, он только о деньгах говорил. Ну и вот. – Тимми, поглубже засунув руки в карманы, облокотился на кушетку. – Фигня вышла.

– Бартон сердит?

Тимми отвел глаза и пожал плечами. В этом движении она снова увидела его мальчиком, ребенком, малышом. Лидия работала с его матерью, они друг за другом приглядывали, когда залетали. Лидия присутствовала при рождении Тимми – среди стертого кафеля, под холодными лампами нелегальной клиники. Она, когда Льев впервые сдал Тимми клиенту, сварила мальчику суп, а пока он ел, наплела смешных побасенок про свой первый раз. Она вместе с ним выбирала музыку на похороны его матери и говорила, что та умерла как жила и пусть он себя не винит. Она никогда ни от чего не могла его защитить, зато помогала жить в жестоком мире, а он в ответ давал ей что-то, чего она не могла ни описать, ни назвать, но в чем нуждалась, как нарик в игле.

– Сильно рассердился? – осторожно спросила она.

– Да не так чтобы. Я теперь буду пока что прикрывать спину Эрику. Ему поручили там одно дельце, и босс хочет, чтобы все было тип-топ. Так что не так плохо.

– А ты? Ты сам как?

– А, в порядке, – отмахнулся Тимми. – Похоже, что-то подхватил. Может, грипп.

Лидия, бросив еду, вышла из кухни, потрогала ему лоб. Холодный.

– Жара нет, – сказала она.

– Может, и ничего, – кивнул он и стал через голову стаскивать рубаху. – Трясет малость, и на обратном пути голова пару раз закружилась. Ничего серьезного.

– А что с человеком, к которому посылал тебя Бартон?

– Я его застрелил.

– Убил? – переспросила Лидия, направляясь к себе в спальню. Сквозь желтые занавески сочился красноватый закат. У стены стоял платяной шкаф – серебряная отделка за годы почернела и выщербилась. Кроватью служил тот же двуспальный пеноматрас, на котором она когда-то работала, старые простыни протерлись и стали мягче ее кожи.

– Разрядил дробовик примерно в метре от его груди, – рассказывал, проходя за ней, Тимми. – В дыру бы твой кулак прошел. Так что, да, очень даже убил.

– А ты прежде кого-нибудь убивал? – спросила она, задирая подол выше бедер, выше пояса, выше головы.

Тимми хмуро расстегивал ремень.

– Не знаю. Бивал кое-кого крепко. Может, кто-то из тех и не дошел до дому, но я про таких не знаю. Наверняка то есть.

Лидия расстегнула крючки лифчика, уронила его на дешевый ковер. Тимми спустил брюки, протянул ботинки сквозь штанины. Белья он не носил, и возбужденный член качался в воздухе, словно сам по себе. На его лице не было

желания, и особого огорчения тоже не замечалось.

– Тимми, – сказала Лидия, укладываясь на постель и выгибая бедра. – У тебя не грипп. Это стресс.

– Думаешь? – неподдельно удивился он. Кажется, эта мысль его насмешила. – А что, может быть. Ха!

Он стянул ей трусики к коленям, к щиколоткам.

– Бедный мой Тимми, – пробормотала она.

– А, ни фига, – сказал он, опускаясь на нее. – Я в порядке. Хорошо, что не заболел.

Для Лидии в сексе осталось мало тайн. Она сбилась со счета, скольких имела и сколько мужчин имели ее, и от каждого она чему-нибудь училась. Иногда мерзостям. Иногда чему-то прекрасному. Глубинным животным чутьем она понимала, что секс подобен музыке или языку. Он может выразить все что угодно. Любовь, да. И гнев, и горечь, и отчаяние. Сексом можно горевать, сексом можно отомстить. Он может быть оружием, кошмаром или утешением. Секс ничего не значит и потому может означать все.

То, что делали они с Тимми друг с другом, друг для друга, со своими телами, не обсуждалось. Она этого не стыдилась. Кто-то увидел бы здесь извращенную связь женщины с мальчиком-воспитанником, но это означало только, что другим не понять, каково быть ими, выживать в мире, в котором они жили. Они не были любовниками и никогда не будут. Ни суррогатной матери, ни инцеста с сыном. Просто Лидия и Тимми. То, чем они занимались, вписывалось в их искоре-

женный, изломанный мир. Многим не выпадало и того.

После Тимми лежал рядом с ней, неглубоко, рефлекторно вздыхая. Тело его было приятно нежным и помятым. Желтизна в окнах сменилась сумерками, рокот воздушного движения звучал дальним громом – или городом за двумя хребтами. Наверное, транспорты уходили к орбитальным станциям. Или звено истребителей проводило учение в атмосфере. Если не смотреть, можно счесть этот шум чем захочется. Мысли ее ушли в сторону, к тому, что глодало Лидию после рассказа Тимми.

Бартон послал его вышибать долг. Тимми вместо этого убил человека, а Бартон его не выгнал. Две точки определяют прямую, три определяют игровое поле. Бартон не всегда находил применение мальчикам вроде Тимми, но иногда находил. Сейчас Тимми ему понадобился.

Лидия вздохнула.

Надвигалась маслобойка. Так это давным-давно называл Льев. Во всей природе существуют ритмы, время роста и время спада. Они с Тимми, и Льев, и Бартон были млекопитающими, принадлежали к природе и подчинялись ее законам и капризам. Лидия пережила уже три, если не четыре подобные катастрофы. Достаточно, чтобы узнавать признаки. Белка перед суровой зимой запасает пищу, Бартон перед маслобойкой собирал склонных к насилию людей. Придет время, будет кровь, смерть, приговоры, может, на какое-то время даже введут комендантский час. Такие, как Тимми,

будут умирать десятками, жертвовать собой ради чего-то, чего не знают и не понимают. Возможно, погибнет даже кое-кто из лейтенантов Бартон, как погиб во времена, когда она была любовницей Льева, Таннер Форд. А до него Стаси Ли. И Душегуб. История ее извращенного мира отзывалась именами мертвецов – материалом, пущенным в расход. Раз Бартон решил оставить Тимми, значит, ждет. А если Бартон ждет, то, уж верно, не зря.

Тимми дышал глубоко и ровно. Так дышат во сне, только у него глаза были открыты и неподвижно смотрели в потолок. Кожа у Лидии остыла, пот высох или почти высох. Над ними кружила муха – серая точка, мотающаяся по извилистой тропинке, увертываясь от несуществующих опасностей. Лидия отставила два пальца, отвела большой и прищелкнула языком, изобразив игрушечный звук выстрела. Насекомое невозмутимо продолжало полет – маленькая жестокая фантазия Лидии его не потревожила. Лидия обернулась к Тимми. Лицо его было пустым, ничего не выражало. Он не шевелился, и тело, даже согретое оргазмом, оставалось напряженным. Мальчик был некрасив. И мужчиной не станет красавцем.

«Когда-нибудь, – подумала она, – я его потеряю. Уйдет по какому-нибудь делу и не вернется. Я даже не узнаю, что с ним случилось». Она попробовала эту мысль кончиком языка, как пустоту на месте выбитого зуба. Стало больно, очень больно, но ведь еще ничего не случилось, так что как-ни-

будь перетерпит. Но готовиться лучше уже сейчас. Обдумать предстоящую потерю, чтобы быть готовой, когда придет время.

Тимми, не поворачивая головы, скосил на нее глаза. Лицо по-прежнему ничего не выражало. Лидия лениво улыбнулась ему.

– О чем задумался?

Он не ответил.

Катастрофа разразилась на четвертый день. Город без шума и с почти военной четкостью заключил контракт со «Звездной спиралью». Солдаты со всего земного шара прибывали мелкими группами и проходили инструктаж. План – покончить с криминальной сетью Балтимора – будет объявлен постфактум или хотя бы после первой волны. Администрация очень гордилась своим замыслом – захватить преступные элементы врасплох. Застав их в постели, безопасники могли покалечить организацию, лишит власти, восстановить в городе мир и порядок. Несколько нерассмотренных допущений так и остались без внимания, и власти раздавали броню и оружие для борьбы с уличными беспорядками в полной уверенности, что усиления никто не заметил.

На самом деле Лидия и Бартон знали – по опыту, а многие, многие другие чуяли нюхом. На улицах и в переулках, на крышах и за закрытыми дверями стало неуютно. Город знал: что-то надвигается. Сюрпризом могли оказаться только де-

тали.

Эрик ощущал опасность как зудящее место, которое нельзя почесать. Он сидел на раскрошившейся бетонной кромке тротуара, барабанил пальцами здоровой руки по колену. Вокруг кишела обычная сутолока пешеходов, велосипедов, широких голубых автобусов. Воздух вонял. Сточные трубы здесь, вблизи воды, часто протекали. Несколькими подъездами восточнее детишки завели какую-то сложную игру: связали в единую сеть гарнитуры и без видимого ритма выбрасывали и подтягивали руки и ноги. Тимми, стоя на тротуаре, шурился в небо. За спиной у них было оккупированное сквоттерами старое ферробетонное здание. Там, в запертой на замок комнатке, стоял включенный рабочий терминал Эрика, готовый, как только объявится клиентка, войти в сеть и вписать в нее новую личность от записи о рождении до ДНК-кода и подправленной истории. Если только она объявится. Она опаздывала на пятнадцать минут и, хотя парни, конечно, не могли этого знать, была уже задержана.

Тимми, крикнув, указал пальцем в небо. Эрик посмотрел. Далеко наверху в бескрайней как море синеве разгоралась звезда – сполох огня, выброшенный уходящим из атмосферы кораблем. Над горизонтом висел бледный полумесяц, сеть городских огней делила поле зрения пополам.

– Грузовик, – сказал Эрик. – Все, что не боится перегрузок, гоняют толкачами.

– Знаю, – отозвался Тимми.

– Тебе никогда туда не хотелось?

– Чего ради?

– Ну мало ли, – проговорил Эрик, высматривая клиентку. Он видел ее фото: высокая корейка с синими волосами. Кем она была в прежней жизни, он не знал и знать не хотел. Бартон велел сделать из нее совсем другого человека. – Ну, нассать в окно, и пусть все думают, будто дождь пошел.

Тимми из вежливости хихикнул.

– Я бы, если бы мог, вот что сделал. – Эрик широко взмахнул здоровой рукой. Словно кадр очертил. – Убрался бы из колодца ко всем чертям. Там все равно, кто ты таков, лишь бы дело знал. Seriously, там сейчас охренеть какой дикий запад. Хочешь в аризонский Томбстоун, ищи его на станции Церера. Так мне говорили.

– Чего же не улетишь? – спросил Тимми. В его тоне не было пренебрежения. Только сдержанное любопытство. Отчасти за это Эрик и любил Тимми. Его ничем всерьез не проймешь.

– Отсюда? Ничего не выйдет. Я от роду без регистрации.

– Мог бы признаться, – сказал Тимми. – Регистрируют в любое время.

– А потом тебя отслеживают, мониторят и оставляют подыхать на базовом, – закончил Эрик. – И на профобучение мне нипочем не попасть. Там очередь на восемь, а то и на десять лет. Пока дождусь, уже не подойду по возрасту.

– Ты бы мог сам сварганить, – заметил Тимми. – Соору-

дить себе новую личность и пропихнуть в начало списка.

– Может, и мог бы, – признал Эрик. – Если б мне дали пару лет вылизать все до блеска, как я делал для Бартона. Он-то с моими документами куда хочет попадет.

– Так что же ты не возьмешься? – снова спросил Тимми, эхом повторяя интонации первого вопроса.

– Наверное, не так уж мне хочется. Да и работа у меня есть, скажешь, нет? Где же эта зараза, а? – спросил Эрик, не замечая, что, по обыкновению, желая сменить тему, перешел на сплошные вопросы. И бессознательно сжал кулак на больной руке.

Тимми кивнул, прищурился, высматривая на улице запропавшую клиентку.

Они чуть не всю жизнь прожили так, на улице. Проституция и эксплуатация незаконных детей объясняли большую часть незарегистрированных рождений в этом городе. Никто не знал, сколько таких мужчин и женщин болтались на окраинах балтиморской жизни, сколько из них так и умирали, не попав в огромные базы данных ООН. Эрик мог припомнить около сотни таких – замешавшихся среди законных граждан, подобно членам тайного общества. Они собирались в обреченных на снос или захваченных зданиях, создавали теневой рынок экономики и выжимали из своей странной анонимности все возможное. Эрик, разглядывая изрытый ямами асфальт улицы, прямо сейчас насчитал бы на нем троих или четверых знакомых, которые оставались призраками для

огромной мировой машины. Включая его и Тимми – полдюжины таких дышали одним воздухом под золотыми следами орбитальных транспортов. Внизу оставались заполненные гнилой водой канавы, черные плевки жвачки и вара на мостовой, запах мочи и плесени и вокруг всего этого – океан. Эрик смотрел в небо с тоской, которой не желал признавать даже перед самим собой.

Он хорошо себя знал, знал, чего хочет, чем недоволен, и успел с этим примириться. Черная пустота, в которой заслуги значили больше, чем место в списке бюрократа, где бордели получали лицензию, а проститутки организовались в профсоюз, где свобода означала корабль с экипажем и работой, позволяющей расплатиться за пищу и воздух... в ней была берущая за сердце романтика. На Церере, на Тихо, на Марсе медицинские технологии отрасли бы ему изувеченную руку, выправили бы укороченную ногу. Те же технологии существовали в каких-нибудь восьми милях от этой заплеченной мостовой, но на пути к ним стоял тройной барьер: отсутствие регистрации, очередь на базовое медобслуживание и способность Эрика держаться вопреки увечью. В сравнении с этим космос казался ближе. Там он мог бы стать самим собой. Эта мысль была для него манящей, властной, пугающей, как для подростка – обещание секса. Эрик тысячу раз решал попытаться, сделать себе выездные документы и сбросить цепи Земли, Балтимора, привычной жизни. И тысячу один раз откладывал на потом.

– Поднимайся, – сказал Тимми.

– Видишь ее? – спросил Эрик.

– Не-а. Вставай.

Эрик поерзал, нахмурился. Тимми смотрел на восток с легким любопытством случайного зеваки, наблюдающего за чужой бедой. Эрик встал. На перекрестке через квартал от них затормозили два бронированных фургона. Их борта украшали четырехконечные звезды. Из машин выскакивали мужчины или женщины – не разобрать под защитным снаряжением. Рот наполнился металлическим привкусом страха. Тимми, опустив сильную руку ему на плечо, мягко, но уверенно подтолкнул на другую сторону улицы. На перекрестке к северу остановились еще два фургона.

– Что за хрень? – спросил Эрик тонким, зазвеневшим в его собственных ушах голосом.

Тимми уже подводил его к приземистой пятиэтажке напротив. Эрик уперся.

– Мой терминал. И архив, надо за ними вернуться.

Низкий, нечеловеческий голос расколол воздух; слова, сконструированные в звуковой лаборатории, звучали отчетливо, ясно и устрашающе. «Проверка службы безопасности. Оставайтесь на месте, держите руки на виду, пока персонал службы не отпустит вас после проверки. Проверка службы безопасности...» На перекрестке люди в полицейских доспехах уже допрашивали трех мужчин. Один – тощий сердитый человек с обстриженными почти наголо черными волоса-

ми и темной кожей – что-то выкрикнул, и безопасники заставили его опуститься на колени. Биометрия – сканирование отпечатков пальцев, радужки, экспресс-тест на ДНК – заняла несколько секунд, и все это время мужчина простоял, растопылив руки, со стянутыми за спину локтями.

– По-моему, отработал ты со своим терминалом, – сказал Тимми. – По-моему, у тебя его больше нет.

Эрик застыл, застряв между звериным порывом к бегству и желанием спрятать улики. Толстые пальцы Тимми сжали его здоровое плечо. На лице большого парня возникла легкая озабоченность.

– Уходим, пока и тебя не взяли с ним заодно. Прошрое поручение Бартона я вроде как пролюбил. Позволь не запороть второе дело – не попадайся.

«Проверка службы безопасности. Оставайтесь на месте, держите руки на виду, пока персонал службы не отпустит вас после проверки...»

Эрик проглотил слюну и кивнул. Говорить он не мог. Тимми развернул его к дверям дома и подтолкнул.

На улице медленно сближались две группы безопасников – переходили от человека к человеку, от двери к двери, с этажа на этаж. До конца операции им предстояло идентифицировать триста сорок три человека и задержать четверых, помеченных в базе данных на розыск. Трое лиц без регистрации будут установлены, введены в систему и задержаны для расследования. Двоим незарегистрированным, отказавшим-

ся назвать имя, присвоят условные имена. Операция, охватившая три квартала, выявит нелегальную клинику с тремя детьми в ужасающем состоянии, семь фунтов психоактивных веществ класса S, восемьдесят два случая незаконной деятельности и интерфейс с выходом в сеть и доступом к архиву, выданный синеволосой задержанной в расчете на более легкий приговор. Все это займет десять часов и еще не кончится, когда Тимми с Эриком вынырнут из не отмеченного на плане служебного тоннеля, соединившего пятиэтажку с заброшенной насосной станцией на побережье.

Они держались вместе: Эрик глубоко засунул в карман усохшую руку, Тимми сохранял свою неизменную дружелюбную мину. Эрик беззвучно плакал. Над ними уходил транспортный корабль, его золотой выхлоп уже скрылся, оставив в небе лишь струйку дыма.

– Я покойник, – сказал Эрик. – Бартон меня прихлопнет на хрен. У них мой терминал. В нем всё.

– Ты погоди, – остановил его Тимми. – Как это: «всё»? И на Бартона?..

– Нет. Что я, дурак? На Бартона я ничего не сохранял. Но я его не вымыл после ввода данных. Хотел отмыть, когда закончим. У них останется ДНК. Вот гадство, могли быть и отпечатки. Не знаю.

– Ну и что? – пожал плечами Тимми. – Тебя же нет в системе.

– Теперь есть, – сказал Эрик. – Стоит им взять меня за что

угодно, тут же высветится связь с этим драным терминалом. Они поймут, чем я занимался. И начнут задавать вопросы.

– Ты им ничего не скажешь, – едва ли не виновато проговорил Тимми.

– До этого не дойдет. Бартон узнает, что у них моя ДНК, а от меня дорожка к нему. Я теперь ниточка, парень. Я покойник.

По всему городу захлопывались ловушки.

На севере шестьдесят бронированных безопасников блокировали перекрестки и закрыли станции метро. Поквартирные обыски приближались к семиэтажному офисному зданию, контролировавшемуся Локой Грейга. Местные попрятались кто куда: в ванные, в подвалы и забитые сажей кирпичные дымоходы. Лишь бы укрытие обладало достаточной плотностью, чтобы отразить инфракрасные сканеры, эхолокаторы и датчики сердцебиения, которыми снабжали группы «Звездной спирали». Сигнал сети пропал. Люди «Звездной спирали» продвигались плотным строем, вынужденные полагаться на собственные глаза, а не на технику, и походили в своих доспехах на огромных сверчков. Заблокировав периметр здания, они установили мониторинг, отслеживая вибрацию голосов на оконных стеклах. Волна стрекозок – крошечных разведочных дронов – ворвалась внутрь, и на миг можно было поверить, что до применения силы не дойдет. Но тут все маленькие дешевые роботы «Звездной спирали» разом осыпались наземь, сбитые контрмерами Ло-

ки Грейга, а дом расцвел дульными вспышками. До заката погибли семнадцать людей Локи Грейга, среди них Эдуард Хопкинс и Тона Дзурбан, считавшиеся земными координаторами действовавшего в Поясе синдиката. Столб поднявшегося над зданием дыма на несколько часов затмил свет и к утру оставил в воздухе серую муть.

В это время на западе, где муниципальная юрисдикция без видимого перехода сменялась региональной, закрылся склад, которым владела сложная сеть подставных фирм. Безопасники, используя эскадру бронированных автобусов и тактику, предназначенную против атаки зарином, очистили все в радиусе трех кварталов. Ворвавшись незадолго до полуночи в опустевшие складские помещения, они обнаружили десять тысяч незарегистрированных штурмовых винтовок, полмиллиона нетрассирующих патронов, семьдесят ящиков гранат и компьютерный зал, по щиколотку заваленный оплавленными платами. Следов человеческого присутствия на складе не обнаружилось и владельца установить не удалось.

Пункты досмотра на эвакуированном вокзале, в космопорту и доках выявили семьдесят человек с фальшивыми аккаунтами. Все самостоятельные или мелкие сошки из крупных организаций. С первого захода силы безопасности и не рассчитывали взять кого-то из верхушки. Более могущественная и снабженная хорошими связями добыча либо благоразумно воздержалась от передвижений в период опера-

ции, либо имела чистые документы. Расчет был на то, что среди мелких громил и исполнителей найдутся один-двое, с отчаяния и по глупости согласные вывести на крупную дичь. На стоящую добычу. Так что, не зная Бартона ни по имени, ни по описанию и точной роли в криминальной экосистеме Балтимора, охотились как раз за ним. И за другими, стоящими еще выше. В городе, кроме Золотой Ветви, присутствовала Организация Баййо, Тамара Слайдан контролировала несколько кварталов севернее экоупола, а Баазен Тагничзен владел районом вдвое больше бартоновского – хотя не таким выгодным – в жилом комплексе «Долина Патапаско». Представителям закона хватало забот с организованной и неорганизованной преступностью, а такой крепкой и частой сети, чтобы в нее нельзя было проскользнуть, на свете не бывает.

Бартон в такие времена, когда не знал, скомпрометирован он или нет, не лез на рожон. У него имелось полдюжины квартир и складов, подходящих под временный штаб, и он менял места пребывания в случайном порядке. Он был уверен, что кто-то из его людей попадется. И кто-то из попавшихся расплатится за мягкий приговор толикой информации. Он этого ожидал и приготовил планы, как укрыться от разоблачения, не позволить пришить себе дело и жестоко, раз и навсегда покарать тех, кто пошел на сделку. Все знали, что пойманному благоразумнее продать безопасникам собственных подчиненных, чем Бартона. Опасность грозила скорее мелкой рыбешке. Дерьмо, как водится от начала вре-

мен, стекает вниз. Отчасти потому-то случившееся с Льевом оказалось такой неудачей для всех.

Льев Андрополус работал на Бартона двадцать лет – с тех пор, как перебрался в Балтимор из Парижа. Он был крепкий мужчина, грудные мышцы выступали даже над круглым животом, и ему редко приходилось доказывать свою силу. Его аппетит к женщинам был темой для анекдотов, хотя в присутствии Льева шутники чаще прикусывали языки, но рассказывали и о его обыкновении устраивать давних любовниц на хлебные места в организации. Будучи лейтенантом Бартона, он заправлял тремя круглосуточными борделями, небольшой сетью наркоторговли, специализирующейся на дешевых наркотиках и психоактивных веществах, и нелегализованным медучреждением, наращивавшим численность незарегистрированного населения. Обычно он вел дела из маленькой бетонной постройки у самой воды, но, когда заработала маслобойка, перебрался в квартиру любовницы в Пратте. Женщина по имени Кэти была такой же смуглокожей и полногубой, как Лидия двадцать лет назад. Льев был человеком привычки и постоянства во вкусах. У дверей он поцеловал ее на прощанье, после чего ушел на север, а она на юг. Поцелуй был мимолетным и приобрел значение только задним числом, как многие прощальные поцелуи.

На улицах было полно народу: душно и тесно. Все пронизывал запах соли и гниющей рыбы от подступающей Атлантики – как всегда в жаркие дни. Личный транспорт был

под запретом, и среди полуденной толкотни медлительными слонами пробирались громоздкие автобусы. Нищий потянул Льева за рукав и тут же попятился от его мрачной гримасы. Визг летучих дронов должен был затеряться в какофонии городского шума, но что-то привлекло внимание Льева, вздыбив волосы на его широком загривке. Он запнулся на ходу.

Прошедшая по толпе рябь сверху напоминала гладь тихого озера, потревоженную полудюжиной нацелившихся на одну муху рыб. Льев уловил лишь ощущение ужаса, всплеск бесполезного адреналина и возмущенные крики горожан, которых распахивали вооруженные безопасники. Вокруг него как по волшебству образовался пузырь пустого пространства. Льев видел теперь и грязь на асфальте, по которому ступал. Человек в униформе «Звездной спирали» двумя руками поднял пистолет, нацелив ствол в грудь Льеву. В центр тяжести. Как по учебнику. За прозрачным щитком шлема виднелось молодое лицо, испуганное и сосредоточенное. Льев внутренне усмехнулся не без жалости. Он раскинул руки как на кресте, а глазающая толпа выбросила из себя еще пять безопасников.

– Льев Андрополус! – выкрикнул мальчишка. – Вы арестованы за рэкет, работоторговлю и убийство! Вы не обязаны отвечать на вопросы без присутствия своего адвоката или представителя союза!

Мелкие брызги слюны точками испещрили лицевой щиток изнутри. Круглые глаза мальчишки едва не лезли на лоб

от страха. Льев вздохнул.

– Спроси меня, – медленно, подчеркивая каждый звук, проговорил он, – понимаю ли я.

– Что? – вскрикнул парень.

– Ты огласил обвинения и предупредил о правах. А теперь спроси, понял ли я.

– Вы меня поняли? – рывкнул мальчишка, и Льев кивнул в ответ.

– Хорошо. Так-то лучше. А теперь отвали.

Тюремный фургон взвыл сиреной, раздвигая толпу, но еще прежде, чем Льев оказался в надежной стальной клетке, весть о его аресте уже разошлась по округе. К тому времени как машина снова тронулась с места, направляясь к ближайшему тактическому центру в северной части города, Бартон уже просмотрел запись ареста. Кэти, сидевшая с младшим братом в лапшичной, приняла новость на ручной терминал и расплакалась. По сети подручных и подопечных Льева разбегался страх. Все понимали, что теперь будет и чего не будет. Льева доставят в камеру, обработают и допросят. Если он будет молчать, его передадут государственным властям, свяжут и отправят в заключение, вероятнее всего, в Северную Африку или в Австралию. Но скорее он заключит сделку, будет капля за каплей сливать свою сеть в обмен на милосердие: имена и номера удостоверений своих сутенеров – за право отбывать срок в Северной Америке или Азии; способы отмывки денег – за персональную камеру; имя врача,

обслуживавшего клинику, — за доступ к библиотеке.

Его будут спрашивать, на кого он работал, но этого он не скажет.

Для прочих лейтенантов Бартона его арест осложнял будущее, но упрощал настоящее. Один из их числа пропал без возврата. Когда минует худшее и маленькое королевство Бартона вернется к подобию нормы, задачи Льева придется разделить между ними, или ввести в дело нового человека из уголовной знати, или совместить то и другое. Предстояли долгие недели торговли и борьбы, но это потом. Потом. А сейчас эти соображения уступали более насущным проблемам: как укрыться от безопасников, сохранить связи и очень доходчиво внушить всем своим шестеркам, что сбывать информацию за милость — очень, очень неудачная мысль.

В подвальной лаборатории на углу Лексингтонской и Грин в водоочистную систему слили восемьдесят галлонов реагентов для синтеза алкалоидов. Из недавно отремонтированного дома на Бойер-стрит тихо пропали две слишком разговорчивые проститутки, а дом закрылся. Тело Майкла «Бэтмана» Чандури обнаружили на закате в его двухкомнатной квартире, и, хотя совершенно очевидно, что скончался он медленной и насильственной смертью, соседям нечего было ответить на вопросы безопасников. Солнце еще не село, когда лейтенанты Бартона — Сирано, Оэстра, Симонсон, Крошка Коль и Тряпичник — по-лисьи забились в норы, чтобы переждать худшее, и каждый надеялся, что остальным — не всем,

конечно, но хоть кому-то – это удастся. Один или двое, а может быть, и трое лелеяли собственные планы: способы подставить соперников по организации Бартона. Но об этих планах они говорили только с теми, кому готовы были доверить жизнь.

Эрик в нелицензированном кафе-баре на крыше с видом на забитую людьми улицу ссутулился над панелью для выхода в сеть – хозяева прикрутили ее к столику. Он старался скрывать панику, гадал, прослышал ли Бартон о захвате терминала, и надеялся, что Тимми скоро вернется из того места, куда сломя голову кинулся, узнав об аресте Льева. Черный кофе горчил, и Эрик не знал, отчего у него во рту медный привкус – от паршивых зерен или от непреходящего страха. Он смотрел новости в пассивном режиме – боялся, что поисковый запрос отследят, – видел, как кругом захлопывается капкан за капканом, и с каждым разом его кишки все крепче стягивало в узел.

Лидия, услышав о Льеве, первым делом взялась за косметику и укладку длинных, простреленных сединой волос. Она сидела перед зеркальцем в спальне, втирала основу телесного цвета, скрывая морщинки на коже. Губы сделала полнее, темнее и ярче, чем были даны ей от природы. Черная подводка для глаз, румяна цвета ржавчины. Опасность опасностью, но она не спешила. Опыт всей жизни связал в ее сознании сексуальную привлекательность со страхом и фатализ-

мом. Отметь она такие связи в других, сочла бы их нездоровыми. Она высоко подобрала волосы и заколола так, чтобы ниспадали на плечи в стиле, который нравился Льеву во времена, когда тот выдернул ее из трудового населения борделя и сделал своей собственностью. В этом ей виделось последнее проявление верности – так обряжают покойника.

Сбросив с плеч халат, она натянула простую удобную одежду. Кроссовки. Дорожная сумка – неприметный синий рюкзачок с запасом лекарств на три месяца, двумя сменами одежды, четырьмя протеиновыми батончиками, двумя коробками патронов, бутылкой воды и тремя тысячами долларов на дюжине кредитных чипов. Рюкзачок она вытащила с верхней полки шкафа и, не проверяя содержимого, усеялась перед окном на улицу. Она накинула на волосы желтый шарф, замотала шею и связала его узлом на груди, устроив ироническое подобие хиджаба. И замерла на месте: ступни параллельно, щиколотки и колени сведены. «Достойно», – подумалось ей. Она молча ждала, кто первым откроет ее дверь: группа безопасников или Тимми. Темнота или же свет.

Прошел без малого час. Позвоночник болел, но она упивалась болью, сохраняя неподвижность лица. От улыбки, как и от гримасы, потрескалась бы косметика.

В коридоре прозвучали шаги, кто-то откашлялся. В открывшуюся дверь шагнул Тимми. Он скользнул взглядом по ее плечу, поднял глаза на лицо. Мотнул головой в сторону

коридора, словно говоря: «Не пора ли идти?» Лидия встала, на ходу надела рюкзачок и в последний раз покинула жилье. Она прожила в этой комнате чуть не десять лет. Ожерелье, подаренное Львом в ту ночь, когда он сказал, что уходит к другой, но о ней позаботится, висело на крючке в ванной. В шкафу стояла дешевая керамическая чашка: восьмилетний Тимми разрисовал ее глазурью ко дню, который ошибочно считал днем рождения Лидии. Незаконченное вязание, оставленное пропавшей двадцать лет назад соседкой по комнате, лежало в полиэтиленовом пакете под кроватью и пахло пылью.

Лидия не обернулась.

– Мое животное – змея, – вымолвила она, уходя с Тимми на юг. Они шли бок о бок, но не прикасались друг к другу. – Я сбрасываю кожу. Просто позволяю ей сползать.

– Это хорошо, – сказал Тимми. – Нам прямо. У меня там кое-что приготовлено.

Участок набережной у нового порта был чище других. Здесь суда и плавучие дома отдыхали в чистых доках из гибкой керамики, а остовы затопленных зданий срезали и оттащили подальше. С каждой милей в сторону порта развалины становились все менее живописными, очарование завоеванного города уступало место подлинным обломкам его прошлого. На асфальте нанесло маленькие песчаные пляжи, серый песок окружил и толстые бетонные опоры, снизу позеленевшие от водорослей, а сверху выбеленные птичьим по-

метом. Густая, как суп, вода пахла гнилью, в ней расплывались трупики оставшихся после отлива медуз.

Лодка у Тимми была маленькая. Белая краска кое-где шелушилась – там, где под ней металл отскребли не дочиста. Лидия села на носу, подобрав ноги и гордо вздернув подбородок. Импульсный мотор ниже ватерлинии тихонько гудел. Плеск воды в кильватерной струе был громче. Солнце склонялось к закату, город отбрасывал на волны свои тени. На воде были и другие лодки, большей частью с детьми. На базовом нет лучшего занятия, как сумерничать на воде, прежде чем разбрестись по домам.

Тимми держал вдоль берега, потом свернул на восток, в океан. Луна уже села, но огни города указывали дорогу. Острова, принадлежавшие городу, вместе с ним обращались в руины. Тимми правил на маленький островок, горбиком выступавший из воды на длину пары городских кварталов. На нем еще уцелели несколько ветхих стен. Лодка коснулась твердого берега, и Тимми, промочив штанины доверху, выскочил, чтобы втянуть ее подальше. Металл скрежетнул о рассыпающийся бетонный настил.

Тимми вывел Лидию к укрытому в развалинах небольшому лагерю. Желтый спальник из спаскомплекта лежал, уже раскатанный, на пеноматрасе. Над ним примостилась светодиодка, шнур тянулся по грязной стене к окну с солнечной батареей. Походная химическая печурка стояла на выброшенных морем досках, положенных на два шлакоблока,

а рядом с ней – маленький автономный холодильник. За дверным проемом виднелись еще две пустые комнаты. Если здесь и была когда-нибудь кухня или туалет, их засыпало обломками. Снаружи светился город, полный суеты и насилия, но представлявшийся прекрасным и мирным даже с такого небольшого расстояния. Вой сирен и раздраженные окрики безопасников, мистически преображенные полетом над волнами, звучали здесь музыкой.

Тимми стянул промокшие штаны, откопал под спальником сухие.

– Так вот ты где прячешься, – сказала Лидия, погладив ладонью выщербленное временем оконное стекло. – Когда не со мной, ты здесь?

– Здесь никто не достает, – объяснил Тимми. – Ну, ты понимаешь. Не по второму разу.

Она кивнула, столько же себе, сколько ему. Тимми оглядел комнату и потер ладонью высокий лоб.

– Не так уютно, как у тебя, – сказал он. – Зато безопасно. Временно.

– Да, – согласилась она. – Временно.

– Даже если Льев им про тебя не скажет, это еще не все. Тебе нужно новое имя. Новые документы.

Лидия отвела глаза от города, обхватила правой рукой левое плечо, словно прикрывая себя. Ее взгляд метнулся к пустому проему и вернулся обратно.

– Где Эрик?

– А, свидание не состоялось, – проговорил Тимми, привалившись к стене.

Лидия не переставала удивляться его внешности. Тело, словно кричавшее о невинности и уязвимости, тоже было оружием.

– Расскажи, – попросила она, и он заговорил. Рассказал все, медленно и подробно, словно боялся упустить что-то, что ей нужно. Что ей интересно. Низкий рокот у причала звучал непрерывным раскатом грома, а в ночном небе расцвел выхлоп ракетных дюз. Корабль еще не вышел на орбиту, а Тимми уже закончил.

– И где он теперь? – спросила она.

– В кафе-баре. Знаешь, на углу Франклина и Сент-Пола. На верхушке старой высотки. Я его туда отвел. У них там панели на поминутной оплате, и, раз он остался без своего, я так и решил. Надо сказать, он вроде как сбрендил. Насчет ДНК. Не представляю, чтобы это хорошо кончилось. Если он прав начет Бартона...

Лидия качнула головой – жест остался почти незаметным в свете единственной лампочки.

– По-моему, ты его телохранитель. Тебя приставили его охранять.

– Я и охранял, – сказал Тимми. – Но теперь работе конец. Бартон же не говорил, что я в сортир должен с ним таскаться до конца жизни, так? Кончили работу, и хватит.

– Я думала, ты ему друг.

– Друг, – сказал Тимми. – Но, понимаешь ли... ты.

– Обо мне не волнуйся. Что бы мне ни выпало, я это тысячу раз заслужила. Не спорь со мной! Не перебивай. Бартон просил тебя охранять Эрика, потому что Эрик для него большая ценность. Может, то дело, на которое он тебя нанял, и закончено, но в городе дальше будет хуже, а Эрик по-прежнему дорого стоит.

– Это понятно, – кивнул Тимми. – Только раз они взяли Льева...

– У меня это не первая маслбойка, милый мальчик. Я эти дела знаю. – Она повернулась к окну, указала на золотистые огни города. – Лев не единственный. Будут и другие. Много или мало, но некоторых своих Бартон отдаст безопасникам или смерти. И те, кто останется, сделаются для него важнее. Он из тех, кто ценит умение выживать. И верность ценит. Что он подумает, милый мой, узнав, что ты бросил Эрика, чтобы вытащить меня?

– Работа была закончена, – ответил Тимми, как ей показалось, с обидой.

– Этого мало, – сказала она. – Теперь не то, что раньше. Ты теперь не просто паренек, с которым Эрик сидит в барах. И даже не мамин сынок. Это в прошлом и больше не вернется. Ты теперь мужчина, который работает на Бартона.

Он молчал. Далеко над ними погас выхлоп транспортного корабля. Лидия подошла к Тимми вплотную, опустила ладони на плечи. Он не смотрел ей в глаза. Это хороший признак,

решила она. Значит, она сумела до него достучаться.

– Мир меняется, и не в твоих силах этому помешать. Тот ты, который больше не нужен, должен будет уйти. Потому что если ты переживешь эти времена – просто переживешь, не более того, – ты станешь больше значить для Бартона. Этого тебе не избежать. Выбирать ты можешь только *что* ты будешь для него значить. Человека, на которого можно положиться – или на которого нельзя?

Тимми шумно потянул носом и выдохнул. Взгляд его стал твердым, глаза – непрозрачными.

– Пожалуй что я снова напортачил.

– Это еще не известно, – успокоила его Лидия. – Может, еще не поздно исправить ошибку, а? Ступай, найди своего друга. Можешь привести его сюда.

Тимми вскинул голову. Лидия нежно погладила его плечи, начиная от основания шеи до бугров мышц – и обратно. Это движение она повторяла с его раннего детства, оно кое-что значило на их тайном языке. От потери, от принесенной жертвы у нее ныло сердце. «Мир тебя меняет», – подумалось ей. Не сама ли она только что это сказала?

– Сюда? Ты уверена?

– Ничего, – сказала она. – Это же временно.

– Ну, ладно, – протянул он. Ей стало чуточку жалко, что он так быстро уступил, но обида тут же прошла. – Я оставлю тебе хорошую лодку.

– Хорошую лодку?

– Ту, в которой мы приплыли.

Дверь закрылась. Серый сумрак, сходявший здесь за темноту, поглотил Тимми, а минут через пять она услышала плеск – наверное, по волнам шел ялик. А может, ей померещилось. Она забилась в теплые, вонючие синтетические объятия спального мешка, уставилась в потолок и стала ждать, вернется он или нет.

По всему Балтимору продолжалась война между законом и рыцарями удачи, но большая часть горожан сохраняла нейтралитет. Нелицензированные кафе наполнялись клиентами, ищущими вкусного обеда в пределах базового пособия, а потом и молодежью, либо безденежной, либо склонной зарядиться амфетаминами перед нисхождением в ночные клубы радж-музыки на перегороженных облавами улицах. А иногда появлялись и родители, возвращающиеся с настоящей работы и с гордостью тратящие реальные деньги на черствый кексик, а кредиты – на полулегальные детсады в гостиную у соседки. Очень немногие стояли целиком за закон или целиком против, так что для этих людей катастрофа «маслобойки» выглядела либо неприятностью, которую надо обойти или перетерпеть, либо волнующей новостью. Событие делалось только увлекательней от того, что для кого-то оно было вопросом жизни и смерти.

Эрик, сидя перед чужой панелью, на которой быстро прокручивались новости, острее других чувствовал расстояние,

разделявшее его с соседями. Ни тучная женщина, варившая кофе, ни худой мужчина у дальней стены, рассылавший романтические сообщения, не замечали его ужаса, не знали, что в его жизни заканчивается целая глава. Для других посетителей Эрик выглядел просто склонившимся над экраном калекой. Докукой или поводом для шуток, но в любом случае никто бы и не заметил, никому и дела бы не было, исчезни он вовсе.

Тимми вернулся после полуночи – его широкая дружжелюбная улыбка смягчила застывший в глазах холодок. Если не присматриваться, всякий счел бы его безобидным, а кто же стал бы к нему присматриваться? Он придвинул к столу с панелью сваренный из стальных трубок стул и сел рядом с Эриком. Шли местные новости. Показывали бледную женщину с татуировкой Ассоциации Внешних Планет: рассеченным кругом посередине груди – и со слезинками Локи Грейга на щеках – роняя кровь из носа и из разбитого глаза, она отбивалась от двоих в форме «Звездной спирали», почти не похожих на людей в своей тяжеловесной броне.

Эрик, скрывая облегчение при виде вернувшегося Тимми, улыбнулся.

– У Локи, – заговорил он, кивнув на экран, – ночка тоже выдалась не из лучших.

– По всей округе такое, – отозвался Тимми.

– Да, правда? А про Бартон... что-нибудь слышно?

– Нет. Да я и не спрашивал, – пожал плечами Тимми. –

Ты хочешь еще здесь потусоваться или можно идти?

– Не знаю, куда мне идти. – В голосе Эрика прорезался тонкий плач скрипичной струны.

– Зато я знаю, – сказал Тимми.

– Ты заготовил норку? Господи, да ты же затем и уходил, да? Искал надежную крышу?

– Вроде того. Ну ты как, готов?

– Мне бы зайти куда. Раздобыть панельку.

Тимми, насупившись, кивнул на стол. «У тебя перед носом», – сказал его взгляд. Эрик ткнул пальцем в винты, крепившие машинку к деревянной столешнице. Лицо Тимми замкнулось, он встал.

– Эй, – позвал Эрик. – Ты куда... Тимми? Ты что?..

Варившая кофе толстуха подняла глаза на плечистого парня. Она хозяйничала в этом баре три года и достаточно насмотрелась, чтобы распознать неприятности.

– Эй, – едва ли не извиняющимся тоном заговорил парень... нет, скорее рослый мальчик. – Такое дело. Не думай, что я мерзавец какой, но эта штука мне нужна.

– Можете пользоваться здесь, если заплатите за кофе. Или по расценкам, указанным на боку, – сказала женщина, скрестив руки на груди.

Большой мальчик кивнул, свел брови. Достал облупленную, в пятнах, кредитку черного рынка и сунул чип ей в руку.

– Что за черт, Джонни? – удивилась хозяйка, моргая на

высвеченную крошечным дисплеем сумму. – Сколько же тебе нужно кофе?

Мальчик уже вернулся к столику, за которым целый день просидел калека с младенческой рукой. После удара кулаком по столешнице к нему обернулись все посетители. С третьего удара дерево треснуло. Костяшки пальцев у здоровяка были в крови, а калека беспокойно ерзал, глядя на разбитый в щепки стол. Мальчик потянул маленькую панель – стол закрипел. Винты с кусочками дерева так и остались висеть в гнездах. Парень, роняя капли крови с руки, сунул машинку под мышку и кивнул калеке.

– Что еще тебе нужно? – спросил Тимми.

Эрик с трудом сдержал улыбку.

– Ничего. Думаю, теперь обойдусь.

– Ну и хорошо. Пошли.

Тимми обернулся к женщине, помахал ей распухающей на глазах рукой:

– Спасибочки.

Она не ответила, спрятала кредитку в карман фартука и заковыляла за шваброй. Когда она вернулась, парни уже скрылись на ведущей на улицу лестнице.

– Невероятно! – заговорил Эрик. – Как это ты? То есть черт возьми! Там все остолбенели, а ты был само безумие и сила, друг. Ты видел? Видел, как все на тебя таращились?

– Ты сказал, тебе нужна панель, – напомнил Тимми.

– Да ну тебя. Это было что-то! Есть чем хвастаться.

– Столы сдачи не дают, – заметил Тимми. – Идем. У меня лодка.

Эрика от возбуждения пробило на болтовню, но о том, как он боялся, что Тимми не вернется, калека умолчал. Зато всю дорогу трещал о программе новостей – пересказывал события, как сказки о привидениях. Силы безопасности взяли под наблюдение порты, поезда, транспорт на орбиту и на Луну. За день восемнадцать человек убиты, наверное, втрое больше задержано. Новость разошлась по всей планете и дальше. Одна дама с Марса рассказывала об истории полицейских государств Земли. Здорово, верно? Они аж на Марсе толкуют о здешних, балтиморских делах! Все о них говорят.

Тимми слушал, вставлял слово-другое, но, главное, шел, до самой набережной, а потом греб. Керамические весла окунались в темную воду и выныривали из нее. Эрик барабанил пальцами по краденной панели – ему не терпелось заново подключить ее к сети и посмотреть, что еще случилось и переменялось со времени их ухода из кафе. Он в общем и целом сознавал, что обманывает себя, притворяясь, будто связь с миром его защитит, но лишь в общем и целом.

На берегу Тимми вытащил лодку и зашагал к развалинам, в которых горел свет. У химической печурки сидела старуха, помешивала что-то в жестянке. Запах чая боролся с соленым запахом моря и вонью гниющих медуз. Женщина подняла голову. Лицо походило на маску. Совершенство грима скры-

вало живые черты.

– Я нашла твой чай, – сказала она. – Надеюсь, ты не против?

– Не-а, – на ходу отозвался Тимми. – Давай сюда, Эрик. Устрою тебе выход в сеть.

Сквозь пустой проем они вышли в маленькую комнатушку. Здесь было еще неуютнее, чем в той, со старухой. Голый пол, пятна клея, оставшиеся от коврового покрытия. На стенах выросла плесень, черная, ветвящаяся кустами. Тимми поставил панель на пол. На костяшках у него уже запеклись темные струпья.

– Сумеешь здесь поймать сигнал? – спросил он.

– Наверное. Может, утром придется поискать способ подключить питание помощнее.

– А, да, что-нибудь придумаем. Тогда это твоя комната, лады? Твоя. А та ее. – Тимми ткнул большим пальцем в освещенный проем. – Ее. Если пригласит, входи, но как попросит выйти, выйдешь, договорились?

– Конечно. Обязательно. Господи, Тимми, твой дом – твои правила, так? Только, кроме шуток, она кто? Твоя мама?

Тимми словно не расслышал.

– Я сейчас вздремну, а утром можно будет сплавать за едой. И узнать, что там у него.

У Эрика похолодело в животе.

– Ты хочешь говорить с Бартоном?

– Конечно, если найду его, – сказал Тимми. – У него дол-

жен быть план, так?

– Верно, – признал Эрик. – Конечно.

Он открыл панель, прогнал варианты подключения и подсоединился к сети. Сигнал был не то чтобы сильный, но и не такой уж плохой. Ему полдюжины раз приходилось работать в подвалах, где обычно все гораздо хуже. Эрик открыл новости – по-прежнему в пассивном режиме. Кроме экрана, в комнате не было никакого освещения. Эрик замерз, но не жаловался. Тимми встал, потянулся, с горестной рассеянностью оглядел разбитые костяшки и повернулся к двери, за которой был свет и старуха.

– Слушай, мы ведь друзья? – спросил Эрик.

Тимми снова повернулся к нему.

– Ясное дело.

– Мы с тобой всегда друг за другом приглядывали, так?

Тимми пожал плечами.

– Не всегда, но когда могли – ясное дело.

– Не говори ему, где я, а?

Рейды служб безопасности, как и вспышки чумы, подчиняются естественным ритмам. Пик, за ним спад. Как бы ужасны они ни были на взлете, но навечно не затягиваются. Бартон, как и все его лейтенанты, об этом знал и соответственно строил планы. Он перебирался из одного надежного укрытия в другое, играл в наперстки с силами безопасности. В первую ночь, которую Эрик с Лидией провели каждый

в своей комнате островных развалин, Бартон спал на чердаке склада с женщиной по имени Эди. Утром он переместился в хранилище на задах медклиники, запер дверь и взломал неотслеживаемое соединение, чтобы сравнительно безопасно поговорить со своими. Крошка Коль навесила замки на свои публичные дома, оборвала связи, зарыла месячный запас наркотиков и автобусом уехала к матери в Вермонт – переждать, пока не остынет. Оэстра был еще в городе – как и Бартон, менял укрытия. Тряпичник и Сирано исчезли, но беспокойство о них Бартон считал преждевременным. Во всяком случае, в новости они не попали. В отличие от Льева и Симонсона.

Были и другие, косвенные, но убедительные свидетельства хода этой маленькой войны. Уже в первое утро катастрофы безопасники смели людей Льева для допросов. Одних задерживали. Других отпускали. Бартону неоткуда было знать, кто из них вступил в сделку со следствием, а кому просто повезло проскользнуть сквозь ячейки сети. Это вряд ли было важно. Вся ветвь бизнеса скомпрометирована и должна отсохнуть. Но спрос на незаконные наркотики, дешевый товар, внеочередные медицинские процедуры и анонимный секс не исчезнет и не насытится, а значит, в главном маленькой империи Бартона ничто не грозило. Это навсегда. Вопрос, как утолить голод городского дна, – вопрос техники, а Бартон умел быть гибким.

Имелось, конечно, искушение ответить ударом на удар, и

кое-кто в эти дни ему поддался. Пятеро рядовых Локи Грейга оставили бомбу у подстанции «Звездной спирали». Взрыв ранил двух контрактников и повредил здание, а всех пятерых «храбрецов» установили и задержали. Тамара Слайдан, которая могла бы быть умнее, организовала уличные волнения, и затянувшийся на два дня бунт кончился тем, что половина ее людей попали в больницу или за решетку, восемнадцать местных предприятий разграбили или подожгли, а ее клиентская база навсегда прониклась к ней неприязнью. Бартон ее понимал. Он сам был не лишен страстей. Конечно, когда ему причиняли вред, ему хотелось ответить тем же. На ум приходили фразы типа «сравнять счет» или «кровь за кровь», но он умел разобраться с такими мыслями. «Сравнять счет» – это об игре, а тут не игра. «Кровь за кровь» звучит так, будто новым насилием можно сгладить старое зло, а это невозможно. Бартон выучил самый жестокий урок – принимать удары, мириться с ущербом, а давать сдачи предоставлять другим. Скоро, очень скоро огромная, всепоглощающая мощь рейда разобьется на ручейки мелких схваток. Ему выгодно, чтобы такие схватки касались Локи Грейга и Тамары Слайдан, а не его людей. Как только в коллективном сознании «Звездной спирали» четко обозначится враг, а Бартон и его организация останутся на периферии их внимания, буря пройдет, и он сможет заново разворачивать втянувшиеся щупальца своего бизнеса.

А пока он перебирался с места на место. Сообщал своим

людям, что направляется в одно убежище, а объявлялся в другом. Он оценил свои привычки беспощадным взглядом хищника и прикончил все, создававшие слабые места. Всё, что связывало его с накатанными путями, делало его уязвимым, а он по мере возможности стремился к неуязвимости. Он проходил все это не в первый раз. Научился.

И потому Тимми пришлось искать его почти неделю. Досяда Бартона уравниновесилась некоторым самодовольством.

Офис размещался в небеленых кирпичных стенах, по пяти экранам показывали новости. Раздвижная деревянная дверь стояла полуоткрытой, сквозь нее виднелся тюфяк, на котором провел эту ночь Бартон. Оэстра, хозяин убежища, сидел на окне, глядя на улицу. Автоматический дробовик у него на коленях не привлекал особого внимания. На улице трое охранников обыскали Тимми и ничего не нашли. Они обнаружили бы следящее устройство даже у него в желудке, и тогда вместо дружелюбного, с любопытством разглядывающего трубы на стенах паренька окровавленный кусок человечины шлепнулся бы в канаву.

– Ты ведь Тимми, да? – разыгрывая неуверенность, начал Бартон. Пусть мальчик порадуется, что его хоть так запомнили.

– Да, шеф, я самый.

Его открытость и дружелюбие раздражали. Бартон бросил взгляд на Оэстру, но лейтенант только шурился в ярком дневном свете. Бартон лениво почесал ляжку, прошуршал

ногтями по ткани штанины.

– У тебя ко мне дело?

Тимми немного сник.

– Только новости. В смысле я ничего не принес. Ни посылки, ничего такого.

– Ну и ладно, – кивнул Бартон. – А что за новость, Мальютка?

Тимми усмехнулся, оценив иронию клички, затем посерьезнел и приступил к докладу. Бартон подался вперед, ловя каждое слово, едва оно слетало с губ мальчика. Оэстра, рискнув оглянуться, увидел поющую птаху перед изготовившимся к прыжку котом. Мальчик выкладывал подробности без особого порядка. Эрик в надежном месте, еду Тимми ему приносит, работа с подделкой личности сорвалась из-за рейда. Собственный терминал Эрика пропал, но нашлась замена, у полиции теперь, возможно, есть образец его ДНК. Оэстра вздохнул про себя и снова отвернулся к окну. По улице тащились полдюжины юнцов, еще не приговоривших своих друзей к смерти.

– Он в этом уверен? – спросил Бартон.

– Не-а, – отозвался Тимми. – Мы же не стали задерживаться, чтобы посмотреть, как они найдут терминал. Я решил, так будет лучше, понимаешь? Убраться подальше.

– Понятно.

– Эрик хотел его забрать. Железку то есть.

– Это было бы ошибкой, – заметил Бартон. – Если бы без-

опасникам кроме машинки достался человек... ну, это было бы нехорошо.

– Вот и я так подумал, – сказал Тимми.

Бартон, скрипнув кожаной обивкой кресла, сел прямо. За его спиной, в спальне, Сильвия включила душ. Сильвия или Сара. Что-то в этом роде. Оэстра добавил ее как приложение к постели.

– Где это надежное место?

– Тут мне лучше промолчать, – ответил Тимми.

– Даже мне не скажешь?

У мальчишки хватило ума смутиться.

– Ага, никому. Ты же знаешь, как оно.

– С ним кто-то есть?

– Да, у меня там друг.

– Охранник?

– Не то чтобы. Просто друг.

Бартон кивнул в глубокой задумчивости.

– Но он в безопасности?

– Кругом вода. Станут подбираться – у него лодка и с десятков приличных укрытий. В смысле на сто процентов нигде не бывает.

– А ты его защищаешь.

– Моя работа, – пожав плечами, улыбнулся Тимми.

Бартон не сумел бы точно указать, чем его так заинтересовал мальчишка. За прошедшие годы он видел сотни таких – приходили, работали, пропадали, гибли, или их сдава-

ли безопасникам, или они обретали Бога и билет из города. Но у Бартона был нюх на таланты, и что-то в Тимми наводило на размышления о возможностях парня. Может быть, непринужденная логика, приведшая его к убийству Остина. Или его мертвые глаза.

Бартон встал, поднял палец. Тимми врос в кресло, как хорошо обученная собака, готовая услышать команду. Сильвия – или как ее там – запела в ванной. Плеск воды по фаянсу скрыл щелчок дверцы ружейного сейфа, из которого Бартон достал пистолет и магазин к нему. Вернувшись в комнату, он увидел, что Тимми даже ноги не переставил. Бартон показал ему пистолет.

– Знаешь, что это?

– Десятимиллиметровый полуавтомат, – ответил Тимми. И протянул было руку к пистолету, но тут же перевел взгляд на Бартона, спрашивая позволения. Бартон кивнул и улыбнулся ему. Тимми взял оружие.

– Разбираешься?

Тимми передернул плечами.

– Имел дело. Этот... на ощупь липкий.

– Покрит пленкой пищеварительных ферментов, – пояснил Бартон. – Кожу почти не разъедают, а отпечатков на них не остается, и все следы разрушают. Никаких ДНК.

– Круто, – одобрил Тимми и хотел вернуть пистолет.

Бартон кинул ему на колени магазин.

– С пластиковыми наконечниками. Внутренние органы в

ключья, но брони не пробьют, – сказал он. – Все же получше твоего самодельного дробовичка, а?

– Верно.

– Ты зарядить сумеешь?

Тимми взвесил пистолет на одной ладони, магазин на другой. Свел руки вместе, проверил, нет ли патрона в стволе, пощелкал предохранителем. Не то чтобы отработанные движения профессионала, но Бартону годился и талантливый дилетант. Тимми с пустой, ничего не выражающей улыбкой поднял взгляд.

– Новая работа? – спросил он.

– Новая работа, – подтвердил Бартон. – Я знаю, вы с Эриком вместе росли. Тебе это не мешает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.